

*Геометрическая
поэзия*

A detailed botanical illustration of a white flower with a yellow center, surrounded by several green leaves of varying shades and textures. In the upper left corner, there is a small cluster of brown, dried-looking plant material. The background is a light blue and white textured surface.

Софья Бекас

Софья Бекас

Геометрическая поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312948

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник стихов, в котором представлены произведения на разные темы. В основном это: баллады/сказки в стихах; стихи с мистическим/сюрреалистичным сюжетом; стихи о любви.

Содержание

Геометрическая поэзия	10
Два брата	14
«Без»	17
Осознать бесконечность	19
Остановись, сердце	21
Коронованный ворон	22
Душа	24
Наташа	26
Разговор в саду	29
Когда-нибудь, когда я стану взрослой...	31
Один на восемь миллиардов	34
Песня о Короле и Пастушке	37
Легенда о Тельце	59
Сегодня за окном метель...	64
Телец	66
Рассвет	68
Был я и добрым, и честным, и ласковым...	69
Мимо домов, без дорог и пути	70
Где ночуют голуби?	71
Холод	72
Парадокс	73
Плетёт паутину паук нелюдимый...	75
Введенское	76

Верба	77
Пекин	83
Убийца с шахматной доской	84
Волки в овечьей шкуре	87
Кошмар	89
Вы не волнуйтесь, я сейчас уйду...	90
Шелковица	91
Кома	92
Туман	95
Бессонница	96
Триптих	98
Сказка о прекрасной принцессе, храбром рыцаре и злом колдуне	100
Прекрасная страна	106
Преступление и наказание	108
Закон подлости	112
Белые лошади	114
Баллада о любви	116
Оксюморон	124
От рассвета до заката...	126
По кому плачет Русь?	127
Физика любви	132
Владимир Мономах	134
Кто?	136
Трамвай	137
Зависимость	138

Апофеоз сна	140
Дайте мне спички...	144
Пустошь	146
Сердце, встреченное мной	147
О повести временных лет	149
Княгиня Ольга	154
Молодой человек	157
«Здравствуй», – сказала лошадь...	159
Мы не гении	161
Нервы	163
Лондон	165
Город, утопающий в зелени	167
Ханахаки	169
Мои похороны	171
Пшеничные волосы	173
Одиночество	175
Сосны в тумане	177
Умение мечтать	179
Сёла	181
Белое	182
Желания	184
Деревья, скажите мне, что вы видели...	186
Территория белых ночей	188
Шут	190
Восточный ветер	192
Снотворец	194

Девушка с образом ангела	196
Я помню этот разговор...	197
Маяк и клевер	199
То, что я слушаю, вам не понравится...	201
Ты – Человек	203
Эмигрант	205
Голубая ночь над Порт-Артуром	207
Ундина	211
Вокзал	213
Я помню: мне снилась весна...	215
Созвездие дождя	217
Скорпион	219
Демоны	221
Спасите наши души	223
Дым	225
Судный день	227
Ноябрь	230
О Рождестве и розах	232
Рождество	234
Розовый шмель	236
В морозном небе падал белый снег...	238
Декабрьские ночи	241
Белая лодка	243
Паук и бабочка	245
Золотая осень	247
Послушай, как во мне скрипит зима...	249

Чёрное море	251
Осенний бред	253
В глуши лесов, за стенами дубрав...	255
В лугах стада овечьи спали...	257
Ну здравствуй, друг...	259
Планета снегов	261
Внутри	262
Что между нами?	264
Король	266
Письмо от короля	270
Обрыв	273
Край небес	275
Пустыня	286
Не Орфей	288
Затуманенные очи, затуманенный рассвет...	290
Где на холме стояла церковь, и шелестел суровый лес...	292
Яблочный рассвет	294
Океан	296
Космос	298
Сказка	300
Хозяин ночи	302
Коробка	304
Истёк срок годности словарного запаса...	305
Северный ветер	306
А у меня уж третья ночь...	307

Порок	309
Пожар	310
Кицунэ	311
Майский ливень	313
Дом на Липовой улице	314
Ель	316
Перед вечерей	317
Март	318
Хутор	319
Спартанцы	320
Беллерофонт	321
Родник	323
Верящий в любовь	325
Вера в искусство	326
Я много раз встречал на свете зло...	327
Что нужно художнику?	328
Детство	329
Наконец-то листья стали жёлтыми...	330
Артур	331
Огонь предрассветный еле клубился...	333
В окно мне дождь хлестал...	334
Свежий ветер в лицо...	335
Мой серебристый луч луны...	337
Пегасы	338
Нева	339
Всё очень просто...	340

Я – Ваш дворецкий...	341
Какие страсти Вам чужды, какие – нет?	343
Серые тучи	344
Первая звезда	345
Совет	346

Софья Бекас

Геометрическая поэзия

Геометрическая поэзия

Мне как-то снился странный сон:

Немой квадрат гипотенузы

Слагал легенду, как Герон

Восславил голову медузы.

И я писала в полутьме:

«По теореме Пифагора

Пришёл, измученный, ко мне

Судья всемирного раздора».

Но то был сон, всего лишь сон.

Свои кровавые чернила

Я нацедила на перо

И им бумагу окропила.

Я начертила на листе

Прямоугольный треугольник,

Где у кометы на хвосте

Сидит обиженный Песочник.

Спешишь, Песочный человек?

Не ты ли это постарался

И, затянувшийся на век,

Мой сон развеял? Обознался
В ночи свирепый Бугимен.
Его избитые кошмары
Теперь не более, чем тень,
Не наносящая удары.
Глубокий вдох – всего лишь сон.
Я беспокойно засыпаю,
И снова снится странный клон,
Чьего я имени не знаю.
Он шепчет мне: «Открой тетрадь.
Искусной прозы теорема
Не даст писателю соврать -
Твоя извечная дилемма...
По-новой выведи пером
Живую формулу поэта
И прогони из горла ком
Свободой старого завета,
Ведь даже этот странный стих
Всего лишь плод твоих анафий,
И сладкой власти он лишён
В пространстве свергнутых монархий».
И я пишу, пишу во тьме...
Сменяет снова рифма прозу,
И аксиомы в голове
Несут ленивую угрозу.
У изголовья он приник,

Судья израненного мира,
Устало что-то говорит,
В его руке дрожит рапира...
Смешались первые труды
И геометрия Евклида.
Давно знакомые черты
Напоминают инвалида,
Чей тихий вздох – хрустальный шар,
Парящий в мутном подсознании;
И там же раненый омар,
И там же жуткие пираньи...
Я начертила полукруг.
Светлеет комната ночная,
И вижу я, как старый друг
Бледнеет, мысли покидая.
Сон окончательно ушёл,
Но геометрия поэта
Свой беспощадный произвол
Оставит с наступлением света.
Моя кровать. Часы. Стена.
Температура тридцать девять,
И вижу я сквозь дымку сна
Непоэтическую лебедь.
Ну да, я сплю – всё это сон,
Не до конца ещё проснулась,
Но в поэтический закон

Вся сущность мира обернулась.

Два брата

Ты облил чернилами мою картину
За то, что я порвал твою любимую книгу
За брошенное мне обидное слово...
Так всё знакомо и совсем не ново.
Когда это началось, скажи мне?
Этих вечных ссор не было и в помине
До дня, когда между нами пробежала кошка...
Чёрная, как зимняя ночь за окошком.
С чего началось это всё? Я не помню,
Да и ты давно закрыл на это глаза ладонью.
Теперь это только длинная цепь, где звенья –
Ссоры и взаимные оскорбления.
Ты сжёг мой любимый пирог с черникой
За то, что я зачитался интересной книгой
И послал к чертям тебя, играть не желая...
Вот такая вот ирония злая.
А ведь ты тоже любишь его – черничный пирог.
Сколько раз я выставлял тебя за порог
В надежде побыть один, в тишине и покое?
Ну что ж, я получил их, только хочется совсем другое.
И теперь я стою на твоей могиле,
Утопая по колени в песке и иле
У реки, где мы играли вместе...

Было такое время, даже не верится.
Одно меня радует: ты живой,
Правда, где-то далеко и не со мной.
Не думал, что скажу это, но мне очень жаль:
Я бы хотел услышать в твоём голосе сталь.
Пусть мы бы ссорились, как не в себя,
Мы бы делали это, друг друга любя,
Но ты был бы рядом, и я раздражался,
Что младший братишка, как всегда, не сдержался.
Отец бы пришёл и сказал, как обычно,
Что наши ссоры – его пряди седые,
Что мать стареет из-за наших слов,
Брошенных в порыве гнева без тормозов.
Но ты не здесь. Я не знаю, где ты.
Ты ушёл из дома рано, на рассвете.
Я тогда не спал, но не стал прощаться...
Я ведь не знал, что ты решишь не возвращаться.
Прошёл один день, и два, и три,
Надежда угасла снаружи и внутри,
И я потом долго срывал голос до хрипа,
Пока искал тебя в лесу под каждой глыбой.
Но ты не вернулся, и я, кажется, умер.
Я говорил друзьям, что ты лежишь с простудой,
А сам холодел от мысли, что проигран спор,
Что мать с отцом больше не услышат ссор.
Лучше бы ссоры, честно. Так ты ни жив и не мёртв.

Неизвестность хуже: это кошмар из снов,
Я просыпаюсь в поту и тебя не вижу...

Сон уходит, но страх воет под крышей.

Я так долго жил. А потом ты вернулся.

Был жаркий день – я в реке окунулся,

А потом вынырнул и увидел тебя...

Как будто кривое отражение себя.

И потом мы пошли по колено в иле

Туда, где я придумал тебе могилу,

Где схоронил столько бессильной злости...

Хорошо, что лишь злость, а не твои кости.

Я не любил тебя так ещё никогда.

В реке мы стали не разлей вода

И потом пошли, такие дружные, вместе

Рассказать родителям благие вести.

Ты называл меня каблуком за то, что я всегда иду на уступки,

За это я порвал твой наряд на лоскутья,

За это ты облил чернилами мою картину...

Но это всё мелочи. Это не нож в спину.

«Без»

Безмолвно. Бездумно.
Совсем безрассудно.
Всегда беззаветно.
Увы, безответно.
Совершенно бессовестно.
Бесстрашно, не горестно.
Бессловесно, неслыханно.
Иногда и безвыходно,
Совсем безнадежно –
Ну разве так можно?
И порой бесхребетно –
Всё равно безответно...
И кстати, безвольно.
Немножечко больно,
И почти бестелесно,
Потому и безвестно.
Беззлобно. Бессмысленно,
Нелепо, невысказано.
Бессильно, бессменно
Так же, как и бессмертно.
Без толку, к тому же.
Бесполезно, ненужно,
Наверно, без надобности.

Безропотно и безрадостно...
Безвозмездно. Беспечно.
Без памяти. Бесконечно.
Беспросветно и беспробудно.
Бескорыстно и совсем не трудно.
Бесстыже, безумно,
Невпопад, неразумно,
И всё же безвинно,
Но, поверь, беспричинно.
Беспредельно, безлично,
Как всегда, безгранично,
Я бы даже сказала, бездонно...
Иногда и бесцеремонно.
Без такта, догадки
И совсем без оглядки.
Совершенно не гордо,
Но всё-таки твёрдо.
Ты спросил, как любила тебя? Вот ответ –
Из далёкой жизни не с нами «привет»,
Где сердце моё обливается кровью –
Прости, это я подавилась любовью.

Осознать бесконечность

Осознать бесконечность бывает трудно,
Особенно, когда тебе всего лишь шесть лет.
Для таких покойник просто спит беспробудно
Долгие, длинные тысячи лет,
И ты свято веришь, наступит время,
Когда он проснётся и встанет, живой.
Тебе только шесть лет, ты ещё не боишься
Мёртвых, что бродят под полной луной.
Когда мама молилась, ты узнала, что вечность
Ожидает тебя, что у всех есть душа.
Тебе только шесть лет, тебя ждёт бесконечность,
И к ней в гости идёшь ты, совсем не спеша.
Это правильно, друг, не спеши к ней в объятия,
Будет время ещё повидаться у вас.
С человечеством Бог ожидает свидания
Только в строго назначенный фатумом час.
Это всё хорошо, но скажу я, как другу:
Не испытывай жизнь – больно вспылчива смерть,
Не ходи понапрасну по скользкому кругу,
А то хочешь в начало, а встретишь конец.
Тебе только шесть лет! Это мало, наверно.
Я не помню уже. Это было давно.
Не пытайся пока осознать бесконечность,

Хоть и мне в мои шесть было не всё равно.

Остановись, сердце

Сердце, остановись, не беги так быстро:
Мне больно, я едва успеваю дышать.
Сердце, прошу, не стучи так сильно,
Ты же должно творить, а не разрушать.
Зачем ты так бьёшься о рёбра, скажи мне?
Мне душно, мгновение – и я задохнусь,
Кровь в венах пылает сильнее, чем в камине,
Я собственной кровью сейчас захлебнусь.
Пылкое сердце, замри, умоляю,
Хотя бы на миг, дай мне передохнуть.
Неужель ты не видишь, как я увядаю?
Железный обруч стянул мне грудь.
Остановись, сердце, притормози, успокойся,
Сделать вдох мне как никогда тяжело.
На что мне сейчас твои смелость, геройство?
Мне в Рай не попасть: я сломала крыло.

Коронованный ворон

В одной стране мне повстречался ворон.
Он пересёк бескрайний океан,
На голове его была корона,
В его глазах чернел обсидиан.
Он глухо каркнул мне при первой встрече:
«Оставь меня. Ты слишком молода,
Чтобы увидеть, что черны не перья,
Чтобы увидеть, что черна душа».
Он улетел, со мной не попрощавшись,
Едва над океаном рассвело.
Вернуться ворон мне не обещался,
Да только было сломано крыло.
Потом его нашла в песке у моря.
Он от меня брать помощь не хотел,
Хотя тонул в пучине зла и горя,
Хотя терялся в груди мёртвых тел.
«Оставь меня. Я падальщик и хищник.
Ты жизнь не знаешь, и не спорь со мной.
Я твой палач, священник и могильщик», -
Сказал мне ворон с лёгкой хрипотцой.
Он мрачен был, как туча грозовая,
Умён, красив, к себе излишне строг,
Но у него душа была кривая,

Закрученная, как бараний рог.
На голове его была корона,
И знали все, что он был королём,
Но только там, за чёрным горизонтом,
А здесь он стал лакеем и пажом.
И я его, как кошку, приютила,
И руки мне царапал он, как кот,
Но, кажется, я всё же приручила
Его злой нрав, тяжёлый от невзгод.
Жила в душе обиженная гордость,
И день пришёл: встал снова на крыло
И, в сердце победив тоску и робость,
Он улетел невероятным назло.
С тех пор его не видела ни разу,
Но свято верю: где-то есть страна,
Там правит ворон, отдаёт приказы,
Засиживаясь с книгой допоздна.
В одной стране мне повстречался ворон.
Он пересёк бескрайний океан,
На голове его была корона,
В его глазах чернел обсидиан.

Душа

О, как ты красива, душа, в бесконечном полёте,
В белёсом тумане, в дневной беззаветной дремоте
И в танце над пропастью, в жгучих объятиях смерти,
Во мраке ночном или в белых лучах на рассвете.
Прекрасна душа на волнах беспредельного моря,
Когда она прочь улетает за сизые горы,
Когда пробирается сквозь бирюзовые ели
Или летит сквозь колючие злые метели.
Душа невозможна в безводной и мёртвой пустыне,
Но более чем восхитительна в райской долине,
Где вместе с весной бутоном у ног расцветает
И с ветром холодным к седым облакам улетает.
Душа обаятельна в нежности к этому миру,
Харизматична в любви, подобна святому кумиру,
Изящна, красива, как сакуры ветвь, утончённа,
На вечную жизнь, как узник в тюрьме, обречённа.
Душа бесподобна, когда она дышит свободой,
Неповторима, своей восхищаясь породой,
Немыслима в гневе, робка в неизвестности жизни,
Безумна, горда, словно образ, сошедший с картины.
Душа, словно пена морская, легка и прозрачна,
Тверда, как земля, редка, словно шанс на удачу,
Воздушна, как ветер под сводом холодного неба,

Спокойна, как мир внутри старого графского склепа.
Душа не живёт, когда она тонет в печали,
Она умирает, добра не испив из Грааля,
Её своим льдом давит айсберг на севере крайнем,
И хлещет любовь из на сердце открывшейся раны.
О, как ты прекрасна, душа, в тишине и покое,
В прохладе ночной, в пустынном полуденном зное.
В мгновении любви проживаешь ты целую эру,
И что ты исчезнешь однажды, я просто не верю.

Наташа

Был душный август где-то в русском поле,

Но речь не русская звучала вдалеке.

Там было не понять, что воля, что неволя,

Там было лишь кольцо в худой руке.

– Как страшен миг... – сказал вдруг чей-то голос. –

Проходит скорбно молодость в бою.

Последняя минута нам осталась...

Хоть расскажи историю свою!

– Что говорить? Похожа участь наша.

Мы все одно.

– Дни наши сочтены.

Скажи-ка мне, что помнишь ты, Наташа?

Что пронесла сквозь эти злые дни?

Задумалась Наташа, глядя в пропасть.

Кольцо на пальце, только не на том,

Мундир в грязи, к себе и к близким строгость...

Тут вспомнить трудно что-нибудь одно.

– Пусть будет школа – светлая обитель.

Прошли года, как будто их нет,

А школа в сердце – мой душехранитель.

Так я бы назвала её в ответ.

Там было всё: от детства золотого

До дня, когда взглянула на себя

И не увидела ребёнка озорного,
Лишь будущее, взрослую меня.
Мне в школе друг впервые повстречался,
Любовь впервые встретилась мне там,
И там же душу мне с тобою воспитали,
Ему и ей, тебе и мне... Всем нам.
Что хорошо, что плохо, объяснили,
Нам показали, что такое честь,
И в сердце навсегда искоренили
Низкопоклонческую лесть.
Они всё это сделали... Как знали,
Что будет день: отложим табеля,
И всех учеников с душой из стали
На бой святой пошлют учителя.
Вот мы с тобой сидим сейчас в окопе
И речь немецкую – будь проклят страшный враг! –
К несчастью, понимаем с полуслова –
А может, к счастью, но назад – ни шаг.
Вот мы с тобой с кольцом сейчас на пальце:
Домой не ждут ни мать и ни отец,
Взорвёмся скоро мы в последнем танце,
Возьмём себе билет в один конец.
Не все так делают, Маруся, представляешь?
Не в каждом есть подобной силы дух.
Такую силу люди воспитали,
Зажгли огонь, чтоб в вечность не потух.

Скажи мне, Маша, ты ведь понимаешь,
Что это школа заложила в нас
Бесценнейшие правила морали,
Из стали возвела в душе каркас?
Не все так делают, Маруся, представляешь?..
Не все идут за чёрный горизонт,
Где дым скрывает смерти и печали...
Не в каждом, видно, эта честь живёт.
Что говорить? Похожа участь наша.
– Спасибо, друг, да только нам пора...
Снимай кольцо и в добрый путь, Наташа.
– В далёкий путь!
– Ни пуха ни пера!

Разговор в саду

По Гефсиманскому саду вдвоём
Шли Иисус и Иуда под весенним дождём.
Стражники ждали их у входа в сад.
– Скажи мне, учитель, ты этому рад?
Завтра настанет последний твой день.
Ты станешь не больше, чем лёгкая тень.
Неблагодарные люди забудут тебя,
Всю мудрость твою под землёй погребя, -
Остановившись у старых ворот,
Сказал Иуда Искарот. –
Сегодня за деньги я продал тебя.
Скажи, учитель, ты ненавидишь меня?
Покачал головой Иисус из Назарета.
– И не жди от меня на вопрос свой ответа.
Ненависть – сильное чувство, мой друг,
Для моего сердца это невыносимый звук.
Надеюсь, что деньги, что ты получил
От первосвященников, иудейских светил
На благо пойдут тебе, мой ученик.
Услышал это Иуда и сразу поник.
А добрый учитель стоял под дождём,
Глаза от воды закрывая плащом,
Мелодию под нос себе напевал

И мыслям своим с тихой грустью кивал.
Иуда покинул предутренный сад.
Христа заковал полусонный солдат,
И тут же, у Гефсиманских ворот
Повесился Иуда Искариот.

Когда-нибудь, когда я стану взрослой...

Когда-нибудь, когда я стану взрослой,
Ко мне придёт мой сын, ещё подросток.
Он подойдёт ко мне и спросит тихо:
«Скажи-ка, мама, ты когда-нибудь любила?»
«Естественно, сынок, – скажу ему. –
К чему ты спрашиваешь, только не пойму.
Ты, может, полюбить успел кого-то?»
«Да, мама. Чай с ароматом бергамота,
Свет рыжей лампы на моём столе,
Дождливые разводы на стекле,
Учебники, тетради, мой пенал,
Мяч, во дворе который я пинал,
Потёртый и поношенный рюкзак,
По выходным билеты в зоопарк,
Ночами улиц ярко-жёлтый свет...
И девочку, что я люблю уже семь лет.
Ты знаешь, мама... Я слышал разговор:
То был между друзьями жаркий спор.
Они хвалились, что уже два года
Бессменно любят одного кого-то,
А я не понял их, ведь для меня семь лет

Ничтожно малый срок. В них чувства нет,
Иль это я с поломанной душой
Не подхожу под мировой шаблон?
А может, странного нет в чуде ничего,
Не редкость тот, кто любит глубоко,
И я обыденность, которых миллион,
А моё чувство далеко не эталон?
Скажи мне, мама, неужель и ты
Спустя два года огненной любви
Её, как вещь, как сон, легко забыла?
Скажи-ка, мама, ты когда-нибудь любила?»
И я ему скажу: «Конечно, сын.
Ты видишь, из груди струится дым?
То бьётся сердце в пламени любви,
В чьей верности я клялась на крови.
Когда я в твоём возрасте была,
Забыть любовь я тоже не смогла,
И все вопросы, что мне задал ты,
Я спрашивала у своей судьбы.
Быть может, что и я тогда сломалась,
В далёком прошлом навсегда осталась,
И вот теперь, без денег и без карт,
Не подхожу под мировой стандарт.
Да, тяжело любить кого-то...
Не то что чай с ароматом бергамота!
Пойдём, сынок, нас ждут ещё дела,

Что жадная любовь не отняла...»

Один на восемь миллиардов

Поспорили однажды строгий разум
И пламенное сердце о любви.
Один твердил: любить им ещё рано,
Другой скулил от страха и тоски.
Они повздорили немного не без дела,
И спор затеяли они не просто так:
Была душа, что их двоих задела,
Обоим подала заветный знак.
И сердце загорелось, словно факел.
Оно взбесилось, будто дикий зверь,
Оно оберегало, словно ангел,
Оно открыло запертую дверь.
Любило сердце чисто, бескорыстно
И даже не ждало любви в ответ.
Да, это сердце было ненасытно
Спустя и многие десятки долгих лет.
А ум молчал. Он знал, что не услышит
Глухое сердце разума слова,
И было ему жаль, что сердце дышит,
Пока мертва седая голова.
Прошли года, а сердце не угасло.
Ему дивились многие тогда:
Как сердце быть влюблённым не устало

И пронесло огонь свой сквозь года?
И разум удивился его силе,
И поразилась верности душа,
А сердце всё любило и любило,
Любило безответно, не спеша.
Прошли года, и пламя подугасло,
Спокойной стала пылкая любовь.
Быть может, сердце то любить устало,
А может быть, остыла его кровь.
И вот тогда заговорил рассудок.
Он успокоить сердце не спешил,
Но не бранил его. Один лишь предрассудок
Стал маяком потерянной души.
Рассудок думал, мозговал и мыслил,
Анализировал, рассчитывал, читал,
Смотрел воспоминания и днями
Задумчиво достоинства искал.
И всем **он** был хорош – не придерёшься!
Ум слушал плач сердечка за стеной
И с грустью признавал: **он** был хорошим.
Он был такой один на миллион.
Себя любить **он** не позволил сердцу.
«Оно и к лучшему», – сказал устало ум
И сам себе со страхом не поверил,
На сердце глянул и с тоской вздохнул.
Он был одним, которого признали

И сердце, и рассудок, и душа,
И на вопрос: «Вы с ним бы быть желали?»
Все трое мне сказали хором «да».
А разум тот не требовал награды,
И сердце не ждало в ответ любви...
Он был один на восемь миллиардов,
На всех возможных жителей Земли.

Песня о Короле и Пастушке

В одной стране жил-был Король.
Он правил с давних пор,
Но только нрав имел крутой,
Чуть что – и сразу в спор.
Он мудр был, в решениях твёрд,
По-своему велик,
Но только вспыльчив, как костёр,
Жить мирно не привык.
Ещё в стране той жил Пастух.
Он пас своих овец,
И толстый дуб его земель
Обозначал конец.
Он на свирели по ночам
Под дубом тем играл,
Чтоб даже к вспыльчивым царям
Блаженный сон слетал.
У Пастуха была Сестра –
Красавица, увы.
Увы, ведь стала красота
Достоинством молвы.
Она от брата в стороне
Пасла стада коров,
А с ней домашний Волк в пенсне

Стерёг их от врагов.
Ещё в стране той жил Колдун –
Премилый старичок.
Он каждый день ловил мальков
И бабочек в сачок,
Но лишь спускалась темнота
На домик колдуна,
Он отпускал весь свой улов
До завтрашнего дня.
Ещё жила в стране Лиса.
Она таскала кур
И уносила их в леса,
Спуская сотни шкур.
У Пастуха жил серый Волк,
Прирученный Сестрой –
Она не знала, что старик
Был в сговоре с Лисой.
А та пушистая краса,
Пока храпит Пастух,
Сносила каждый день к дворцу
Седой куриный пух.
Им набивали Королю
Подушки, чтобы спал
Монарх спокойно и во сне
Стада овец считал.
Ещё Король тот был влюблён

Без в памяти в Сестру.
Пастушка днями напролёт
Косила трень-траву
И пела песни до поздна
Под окнами дворца,
Когда огромная луна
Смотрела в их сердца.
И был влюблён в неё монарх,
Любил давно и долго,
Да только в сердце живший страх
Сбивал монарха с толку.

Вот так вот жили в той стране
Король, Пастух, Сестра,
Колдун, домашний Волк в пенсне
И хитрая Лиса.

Но вот однажды тот Король
Со свитой едет в лес,
А на полях Пастух с Сестрой
Пасёт стада овец.
Олень бежит, трубят рога,
Король летит стремглав,
И разлетаются стога,
Обычным сеном став.
Олень, смекнув, спешит туда,

Где под листвою дубов
Спокойно спят коров стада,
Не слыша зов рогов.
Но серый Волк, завидев дичь,
Забыл обет Сестре
И в лес густой бросает клич
Красавице-лисе.

«Поди, лиса, – хрипит старик, -
Смотри, какой трофеей!
К богатой жизни не привык,
Да привыкать не грех!
Беги скорее во дворец
И поварам скажи-ка,
Что будет скоро холодец
Есть на обед владыка.
Снеси копыта и рога
На стол пред поварами».
Так рассудили те друзья,
А мясо съели сами.
Но между тем на поле бой:
Король, нахмутив брови,
Стоит и смотрит пред собой,
А перед ним – коровы.
Среди коров искал Король
Израненного зверя,
Да только дичи в стаде нет.

Король глазам не верит.

– Здесь был олень! – кричит Король. –

Куда он делся, воры?

Его сюда пригнали псы

Из королевской своры.

Но он исчез! Что за дела?

Скажи-ка мне, Пастушка,

Не ты ль оленю помогла

И спрятала от мушки?

– Помилуй, царь! На что мне твой

Олень, скажи на милость?

Мне лишь бы лучик золотой

В волнах реки искрился,

Чтоб в жаркий день зелёный плющ

Мне подарил прохладу,

Чтоб меньше было тёмных туч...

А больше мне надо.

Король глядит на Пастуха

И на Сестру кивает:

– Признайся честно, ведь она

Рогатого скрывает?

Небось среди коров стоит

И ждёт, пока уедет

Весь королевский свет элит

Без дичи для обеда.

– Послушай, царь, – сказал Пастух, -

Я поручиться честью
И за себя, и за Сестру
Могу без грамма лести.
Оленя нет среди скота,
Даю тебе я слово,
Но если ты найдешь, тогда
Пусть сами мы коровы.
Король трубит, и сразу псы
Из королевской своры,
Взбесившись, лают на кусты,
Где спят в тени коровы.
Король – туда, и вот на свет
Выносит из-под ели
Один обглоданный хребет,
Похожий на олений.
Но только странный тот хребет:
Ни рога, ни копыта,
Как будто только что скелет
Обрезали для быта.
– Ах, подлецы! – кричит Король. –
Вы обмануть решили?!
Вы в холодец добавить соль,
Случайно, не забыли?
Ты посмотри, каков нахал!
Я думал, ты честнее,
Мой брат Пастух!

Хоть ты, Сестра, конечно, красивее,
Да ведь за этой красотой
Ни грамма нет приличий!
Так доживайте век свой злой
В коровьем же обличье!
Сказал, и грянул в тишине
Средь голубого неба
Сильнейший гром, а с ним во тьме
Луч золотого света.
Глядит – и правда перед ним
Стоят лишь бык с коровой:
Сестры как будто след простыл,
Пастух исчез под кровлей,
И лишь коровы да быки
Пасутся в чистом поле,
Да у синеющей реки
На водопое кони.
Событий царь не понял суть.
Он потянул за сбрую
И повернул в обратный путь
Лошадку вороную.
– Пойдём, подруга, – он сказал. –
Сегодня без обеда.
Наверно, стар я слишком стал
Для радости победой.
Хоть справедливость увидал

Я на закате жизни,
А то бы помер, не узнав,
Не миф ли справедливость.
И потрусили во дворец
Король с придворной свитой,
Оставив на полях овец
Наедине с Лисицей.
Лишь скрылась свита Короля,
Лисица Волку шепчет:
– Беги скорее к тополям,
Где кур Пастушка держит.
Сегодня наш день, видит свет!
А я пока с баранов
Спрошу за всё про всё ответ.
Им повторять не надо,
И нет теперь у Пастуха
Ни куриц, ни овечек,
Есть лишь красавица-сестра
Да парочка колечек.
Наелись досыта друзья
И, выбрав путь недлинный,
Снесли к порогу Короля
Руно и пух куриный.

А в царском замке между тем
Среди парчи и кружев

Выносят слуги холодец
На королевский ужин.
Король угрюмен, молчалив,
Едва ли блюда видит,
И взгляд его, как ночь, тосклив:
Не пьёт, не ест, не дышит.
– Что приключилось, государь? –
Спросил его украдкой
Придворный лекарь. – Разве царь
Наш болен лихорадкой?
Или ему не по душе
Придворных слуг забота?
Или, быть может, на полях
Не задалась охота?
– Не знаю, друг, – ответил царь. –
В груди как будто ноет,
И плакать хочется... Не знать,
Чего разлука стоит.
– Разлука с кем, мой господин?
– С Пастушкой деревенской...
Жил на полях Пастух один,
Дышал одной лишь песней,
А вместе с ним пасла Сестра
Стада коров на поле
И танцевала допоздна...
Теперь их нет уж боле.

– Что с ними стало?

– Думал я,

Чисты их были души,

Да утаили от меня

В тени оленя тушу.

– Не может быть!

– Увы, мой друг.

Сильней любви безумной

Быть может разве что недуг,

Подпитанный разлукой.

Я видел их лишь из окна

Дворца высокой башни,

Я слышал только голоса

Во время летней пашни,

И мне казалось, в их душе

Живут добро и честность...

Но я ошибся. Что ж, вся жизнь –

Сплошная неизвестность.

Они клялись, что нет его,

Оленя, в сонном стаде,

Но я спустил собак с цепи...

Доказывать не надо.

Тут молнии, как змей клубок,

На землю протянулись,

И в тот же миг Пастух с Сестрой

Быками обернулись.

Царь замолчал, но мрачный взгляд
Сказал всё лучше слова:
Любовь травила, словно яд,
Пытала его снова.
Но вот на стол пред Королём
Вдруг опускают слуги
Большое блюдо с холодцом.
Следа былой нет скуки!
Король, хоть вспылчив был, не глуп,
Однако ж, оказался,
И вот уже знакомый дуб
Над полем показался,
Ведь догадался наш Король,
Чьих рук гнилое дело,
И, чтоб унять на сердце боль,
Спешит за воров следом.

Вот поле. Дуб стоит один,
И спят под ним коровы,
Но только царь здесь господин,
Не слышно здесь ни слова.
Лисы и Волка след простыл.
Король по полю едет,
И вдруг среди далёких глыб
Он видит лучик света.
Король галопом мчит туда,

К горам за горизонтом,
А это домик Колдуна
Сияет ярче солнца.

И мчался царь, забыв себя,
Гнал лошадь вороную
Четыре ночи и три дня
Без продыха сквозь бурю.

Король подъехал. Видит он:

Колдун сидит под дверью

И насыляет сладкий сон

На раненого зверя.

Медведь один попал в капкан,

И маг, седой от злости,

Сквозь опьяняющий дурман

Ему вправляет кости.

– Жестоки люди! – он сказал,

Когда Король подъехал. –

Для тех, кто ночью не рыдал,

Вся наша жизнь – потеха!

Кто дал им право суд вершить,

Чужой судьбой игратьсь?

Чтоб от себя гнев отвести,

Им нужно постараться!

– Послушай, старче, – молвил царь. –

К тебе я за советом
В далёкий и пустынный край
Приехал до рассвета.
Устала лошадь, я устал:
Мы шли четыре ночи
Среди высоких острых скал
И не сомкнули очи.
Ты видишь? Я себе палач:
Кладу перед ногами
Корону, скипетр и плащ
Из меха горноста.
Я каюсь и склоняюсь ниц:
Я был несправедлив,
Мой гнев хранят молчание птиц
И плач прибрежных ив.
Быть может, знаешь Пастуха
С Сестрой, что жили в поле?
Они, не совершив греха,
Мне заплатили вдвое,
Но нет на их плечах вины,
То грех Лисы и Волка.
Я изгоню их из страны,
Но от того нет толку:
Пастух с Сестрицей поклялись
По доброте душевной,
Что нет оленя в той тени,

Где спят стада овечьи.
Они сказали правду мне,
Но, року повинуюсь,
Тотчас же на моих глазах
Быками обернулись.
Так помоги мне, добрый маг!
Скажи, как быть, волшебник!
Я поднимаю белый флаг,
Теперь я шут и пленник.
Задумался на миг Колдун
И, отпустив медведя,
Сказал устало Королю:
– Смотрю, монарх, ты бледен,
Так отдохни пока что, царь!
Ко мне был путь тяжёлый,
И если в сердце пышет жар,
То в теле дышит холод.
Дождись утра, о мой Король,
Будь гостем в этом доме,
Забудь пока про свою боль
И отдохни на воле.
Своим визитом, государь,
Ты оказал мне милость,
И я польщён, что утвердить
Ты хочешь справедливость.
Да, благородна твоя цель!

Я потружусь на совесть,
Верну к величию цитадель
И истреблю жестокость.
К тому же, вижу я, что кровь
Кипит в уставших венах,
И в этом узнаю любовь,
Судьбу богов нетленных.
Лёг спать Король, и снится сон
Ему в полночном мраке:
Он слышит полный боли стон
И лай чужой собаки.
Спешит вперёд и видит вдруг,
Как в середине ссоры
Вокруг коровы встали в круг
Псы королевской своры
И лают гадко на неё,
И разорвать готовы,
Над ней летает вороньё.
Все ждут его лишь слова,
Но видит царь знакомый взгляд
И тёплую улыбку...
«Пусть боги, что хотят, творят,
Но этот суд – ошибка!
Нет!» – в тишине кричит Король.
Проходит время мимо,
И узнаёт в корове он

Любовь всей своей жизни.
«Прости меня, – он шепчет ей. –
Из всех на свете судей
Тебе попалась всех страшней,
Та, что решает грудью.
Я князь без князя в голове,
У нас свои законы,
Но ты одна на всей земле
Достойная короны.
Вернись ко мне, любовь моя.
Я суд вершил без правил,
Забыв родимые края,
Тебя одну оставил.
Позволь исправиться, мой свет.
К твоим ногам я брошу
Себя и понесу ответ
За непосильность ноши».
Сказал Король, и тут же сон
Рассеялся, как ветер.
На улицу выходит он:
Метелью дышит север.
Волшебник старый у ворот
Дрова для бани колет,
А под ногами тонкий лёд
Стеклом хрустит и стонет.
– Как почивали, государь? –

Спросил Колдун монарха,
Что взялся сам рубить дрова
В знак уважения к старцу.
– Всё хорошо, но знаешь, маг,
Мне сон приснился страшный.
Быть может, это тайный знак?
Иль это всё неважно?
Мне снилось, я стою один,
Передо мной – корова,
Но в ней велением судьбы
Любовь я вижу снова.
Подумал над бедой Колдун.
– Могу помочь я горю.
Сверни на узкую тропу
И возвращайся в горы,
Садись на доброго коня –
Он ждёт тебя за домом, -
Вскочи ногами в стремя
И отправляйся с Богом.
Иди на поле, где в тени
Храпят стада Пастушки,
Тяни поводья и лети
Над морем и над сушей.
Когда быков увидишь ты,
Окинь их чутким взором
И, коли не слабо, найди

Свою любовь на поле.

– Спасибо, старец! – крикнул царь. –

Господь с тобой, волшебник!

Запомни, будет государь

Тебе обязан честью!

Вскочил Король в своё седло

И, подгоняя лошадь,

Помчал, едва ли рассвело,

На городскую площадь.

Проехал город. Гор хребет

С ним позади остался.

На поле летнем маков цвет

На ветерке качался,

И солнце жгучее, как горн,

Ласкало царский профиль:

И тонкий нос, и в прядях смоль,

И холод глаз, и брови,

И ветер свежестью дышал,

И лошадь вороная

Галопом рассекала вал,

Усыпанный цветами.

Вот снова дуб. Кругом – стада.

Ярило спит в зените.

Царь, спешившись, идёт туда,

К своей придворной свите.

Под кроной дерева темно.
Он всем в глаза им смотрит,
Но все коровы на одно.
«Да... Дорогого стоит
Узнать свою среди тьмы чужих,
Но чувства – не случайность,
Коль коронованный жених
Согласен на опасность», -
Так думал царь, пока искал
Любимую Пастушку
И с нею брата Пастуха,
Как вдруг узор веснушек
Привлѣк его уставший взор.
Он смотрит и не верит:
Жесток небесный приговор,
Ему добро не внемлет,
Но вот она, его любовь,
Так смотрит равнодушно
На сердце, содранное в кровь,
И ей все чувства чужды.
– Прости меня, – ей шепчет царь. –
Быть может, ты не знаешь,
Но я весь мир готов отдать,
Чтоб ты была, как раньше.
Чтоб ты, как прежде, весела
Была в грозу любую,

Чтоб даже осенью цвела
Назло дождям и бурям,
Чтоб танцевала до поздна
У стен и башен замка,
И наша рódная страна
Была б не жизнь, а сказка.
Чтоб был Пастух, и ты была,
Вино текло рекою,
И чтобы ты, любовь моя,
Всегда была со мною.
Быть может, это и не ты,
Но верю я, что сердце
По воле дурочки-судьбы
Уступит самодержцу.
Замолк Король. Вдруг яркий свет
Ему в глаза ударил,
И маков полевой букет
Распался под ногами.
Он смотрит – снова перед ним
Стоят Пастух с Пастушкой,
И солнца золотистый нимб
Играет в их веснушках.
– Прости меня.
– Забудь, Король.
– Ты станешь Королевой?
– Если унять на сердце боль

Тебе поможет это,
То я согласна.
– Бог с тобой!
Ты обо мне не думай.
Распорядись своей судьбой,
Как говорит рассудок.
– Увы, Король, молчит мой ум,
Да он здесь не помощник!
Пусть сердце празднует триумф
С зари до самой ночи.

По-королевски свадьбу ту
Сыграли: целый месяц
Скрывали белую луну
Огни весёлых песен.
Изгнал Король двух подлецов,
Да мы о них не будем
Напрасно в праздник вспоминать
И воду баламутить.
Гремела свадьба, мир сиял!
Потом Колдун с улыбкой
В дневник свой бегло написал,
Что счастлив был владыка.
Я там была, и тот Король
Мне поручил в поэму
Преобразить свою любовь.

Что ж, это не проблема!
И вот уж прочитали вы
Слова строфы последней,
Что волей слухов и молвы
Дошла до нас лишь песней.

Легенда о Тельце

Где-то на окраине планеты,
Обрамлённой снегом, как каёмкой,
Жили бык суровый и, конечно,
Мать-корова с маленьким телёнком.
Долгий путь сквозь льды и сквозь метели
Изнурил семейство молодое,
И легли они под лапой ели
Отдыхать до времени другого.
– Расскажите сказку, – просит мальчик, -
О цветах, растущих где-то в небе.
Что там есть такого, что мы вечность
На земле заснеженной не встретим?
Помолчала добрая корова,
Для ребёнка сказку вспоминая,
Для сыночка ласковое слово
С трепетной любовью подбирая.
– Есть на небе, – начал бык угрюмый,
Только с виду грозный и суровый, -
Между близнецами и бараном
Звёздный вол с обугленной подковой.
По лугам вселенной бесконечной
Он бредёт неспешно и лениво,
Вспахивает поле плугом вечным

И жуёт траву неторопливо.
Вспашет поле и уснёт, уставший,
Он у ног насмешливой Венеры,
Жертва красоты порою страшной,
Сын уравновешенной Деметры.
У него рога как тонкий месяц,
Как стальной и очень острый серп,
И плывут вспугнутой вереницей
От него косяк созвездий-нерп.
Но не вечность было всё спокойно
У Тельца на небе бесконечном.
Было время, он своею кровью
Платил дань за раны и увечья.
Встретился на зимнем небосклоне
Звёздный бык с охотником небесным.
Завялся бой, и не на жизнь, а на смерть –
Сколько длился он, нам неизвестно.
Орион жесток и беспощаден,
Никогда он промаха не знает,
Но Телец, хоть и под сердце ранен,
Стойко смерти ждёт, не нападает.
Ты не думай, что он мягкотелый,
Просто он не злой и не жестокий,
Терпеливый, преданный и верный,
Оттого, быть может, одинокий.
И терпел немало бык небесный

От того охотника земного,
Но однажды случай безызвестный
Изменил ход действия намного.
Есть в пространстве космоса, вселенной
Скорпион – соперник Ориона.
Он однажды в вздувшиеся вены
Пустил яд и сверг его со трона.
Он лишил надменности и спеси
Наглеца и гордого героя,
Он его под облаком повесил,
Он его презрением удостоил.
Пусть Телец добряк и недотрога,
Но предел есть каждому терпению:
Как-то он боднул огромным рогом
Ориона в шейное сплетение.
Орион, весь кровью истекая,
С гордостью и честью уязвлённой,
За собой след крови оставляя,
По тропе пошёл испепелённой
И на горе водному тригону
Встретился с уставшим Скорпионом.
Чёрной смерти маленькой подобен,
Он не ждал свидания с Орионом.
Но охотник движим жаждой мести,
В нём клокочет ненависть и ярость.
Он копьём прям в Скорпиона метит,

И чужие муки ему в сладость.
«Ты ничтожен! – он шипит, как лебедь. –
Где твой яд, для нас невыносимый?
Он для всех мучителен, смертелен,
Сердцем по артериям гонимый.
Но сейчас ты сломлен и раздавлен,
И теперь Тельцу не отвертеться:
Будет он моей рукой повален,
Будет биться в страхе бычье сердце!»
И ступил ногой своей жестокой
Орион на тело Скорпиона,
Раздавил ступнёю, как подковой –
Он неумолим и непреклонен.
Умереть они уже не могут,
Вечные скитальцы Поднебесной,
Души их теперь подобны богу,
Разве что без власти над вселенной.
Скорпион лежит один под камнем:
Нету сил идти на Ориона,
Знает, что он прямо в сердце ранен,
Ждёт подмоги водного тригона.
Но уж, видно, чувствовал опасность
Звёздный вол с другого края света,
Потому, не придавая гласность,
Бык с него потребовал ответа.
И с тех пор, я вам скажу украдкой,

Нет покоя в доме Ориона,
И бежит охотник без оглядки
От клешней и жала Скорпиона.
Он с Тельцом войну ведёт, как прежде,
За рога быка берёт бесстрашно,
И от боя в мире безмятежном
Отдыхает вол на летней пашне.
Так и есть с тех пор на нашем небе:
Звёздный бык бежит от Ориона
И находит вечное спасение
Во смертельном яде Скорпиона.
Задремал телёнок утомлённый
Под печальный вой и свист бурана,
И ему мерещился сквозь дрему
Приглушённый свет Альдебарана.

Сегодня за окном метель...

Сегодня за окном метель,
И дремлешь ты у жаркого камина.
Согреться наконец – вот это твоя цель,
Но не получится, ведь это лишь картина.
Картина не камин, в котором пляшет
Огонь за прочной сеткой чугуна,
И не метель, что в белом поле пашет
И сеет снег от ночи до утра.
Картина – миг, когда тепло в гостиной,
Когда горячей стала вдруг ладонь
И чувства перестали быть картиной
И разожгли взаправдашний огонь.
Глубокий сон, похожий на медвежий,
Который год проходит без следа,
И теплится над тундрой белоснежной
Забытая полярная звезда.
Нам тоже холодно, нам тоже не достало
Тепла огня в декабрьский буран.
На нас лежит верблюжье одеяло,
Но холод в сердце, а тепло – обман,
И снятся нам просторы неземные,
Края далёкие, ушедшие в века,
Забутые просторы Палестины

И Антарктиды вечные снега.

Телец

Угрюмый бор гудел стволами сосен,
Уставший, возвращался с поля жнец;
По узкой тропке сквозь седую осень
Спускался с гор измученный телец.
Бык шёл сквозь лес спокойно, осторожно.
Уверенность в каштановых глазах
Из сердца прогоняла всю тревожность
И из души гнала напрасный страх.
Как месяц перевёрнутый, задели
Тельца витиеватые рога
Сосновые заснеженные ветви,
И снег упал на грузного быка.
Дышал ноябрь моросью и ливнем,
Прошла пора работы на полях,
Последний стог телец убрал сегодня,
Убрал небрежно, будто второпях,
И вот уже спускается неспешно
На водопой к покрытой льдом реке
Огромный бык по пашне белоснежной,
Спускается без плуга, налегке.
С картины «Похищение Европы»
Сошёл как будто золотой телец,
И вот ведут заснеженные тропы

Его туда, где пахатный делец
Всю зиму отдыхать от вил и плуга
Под свист метели будет до тех пор,
Пока не встретит вечную подругу -
Весну и не начнёт с ней разговор.

Рассвет

Когда рассвет, как жидкое стекло,
По небу растекается, я знаю,
Что с ним уходит дьявольское зло,
Что всё оно с рассветом погибает.
Когда луна, огромная, как глаз,
И бледная, как смерть, нас покидает,
Я чувствую, что этот белый газ,
Зовущийся туманом, снова тает.
Когда ярило, яблоком упав
Из темноты ночей на наше небо,
Сжигает тьму, я, сон весь свой продав,
Иду за ним, за ярким лучом света.

Был я и добрым, и честным, и ласковым...

Был я и добрым, и честным, и ласковым,

Был я свободным, когда-то и праведным.

Что получил я взамен на добро?

Вы не поверите: то было зло.

Мимо домов, без дорог и пути

Мимо домов, без дорог и пути
Мальчик по городу брёл не спеша.
Дым вырывался у него из груди:
Это у парня горела душа.

Где ночуют голуби?

Я не знаю, простите, где птицы ночуют.
Наверное, там, где восходит луна,
Где зимние стужи у лета воруют
Законное время для сладкого сна.
Наверное, там, где дождей не бывает,
Среди облаков, белоснежных равнин.
Наверное, там, где с зарёй раскрывает
Свой хвост ослепительный звёздный павлин.
Наверное, голуби в небе ночуют
И провожают до райских ворот
Ушедшие души, по которым тоскуют
Те люди из человеческих сот.
Где голубь ночует? Вопрос очень сложный.
Наверное, там, где не видели скорбь,
Наверное, там, где всё точно возможно,
Где шепчет легенды болотная топь.
Я не знаю, простите, где птицы ночуют.
Наверное, там, где меня рядом нет,
Ведь тогда на вопрос, что вас интересует,
Дала бы я твёрдый и точный ответ.

Холод

Холод. Он душу морозит.
Сердце покрывается льдом.
Тело от жара колотит.
Ум захлебнулся сном.
Холод. Одеяло не греет.
Тело не чувствует ног.
Ветер за окнами веет,
Рвётся за душный порог.
Холод. Им пропитались стены.
Сердце всё реже стучит.
Кровь застывает в венах.
Разум давно уже спит.
Холод. Дом разъедает сумрак.
Кто-то стучится в дверь
Вместе с морозным утром.
Кто это? Это смерть.

Парадокс

Я шла туда, куда не шлось,
Куда меня совсем не звали,
Туда, где места не нашлось,
Где ожидаемо не ждали.
И ночь, как день, была светла,
И ветер ласков и задорен.
Забудем, что была зима:
Январь трещал не хуже сосен.
Но тут к моим ногам упал
Прохожий, мимо проходящий,
И незнакомец вдруг узнал
Во мне луч солнца заходящий.
Мы на рассвете в темноте
В пустынном дворике столпились,
В ужасно громкой тишине,
Не говоря, разговорились.
«Ты помнишь, мы с тобой вдвоём
Во сне ходили по бульварам?
Там воробей пел соловьём,
Ручьи бежали по оврагам.
В душе тогда цвела весна,
Хоть на дворе стояла осень,
И только бледная луна

Видала сотни таких вёсен».
И незнакомец замолчал,
Устав от жизни бесконечной,
Словно и впрямь меня узнал,
Беспечной мыслью обеспечив.
Но что прекраснее всего –
Я тоже вдруг его узнала.
В едва знакомом мне вдовце
Я душу верную признала.

Плетёт паутину паук нелюдимый...

Плетёт паутину
Паук нелюдимый,
И пазлы в картину
Ложатся незримо.
Плетёт каждый день
Паучок свою сеть,
Но сдвинется тень,
И труда его нет.
Пройдёт великан,
И тугие канаты,
Для мушек капкан,
Пропадут без награды.

Введенское

Я живу напротив Введенского.
Превосходное место, не правда ли?
Здесь лежит ещё гордость немецкая,
Здесь дожди над могилами плакали,
Здесь снега в январе, словно облако,
Здесь спокойствием пахнет и сыростью,
Здесь листва в сентябре, словно золото,
И слова отличаются скрытностью.
И не спит, и не дремлет Введенское,
Наслаждаясь своим одиночеством...
Не хранится здесь мудрость вселенская,
Только чьё-то простое пророчество.

Верба

Бегут облака, словно стадо безвольных баранов,
И плачет, нахмурившись, сонное серое небо.
В безмолвном краю аргонавтов, сирен и атлантов
Пушится и храбро белеет пречистая верба.
В той странной стране плывут корабли по вселенной
Навстречу холодным кометам и злым астероидам.
Они покоряют далёкие, чуждые земли
Огромных планет и потерянных в мире героев.
И я там была, я плыла в одиночку по морю,
Ловила на удочку старые, слабые звёзды,
Каталась на белой комете по лунному полю
И вила из вербы у кратеров мягкие гнёзда.
Мой бедный корабль скрипел, словно двери без масла,
И я улетала на небо на чёрном пегасе.
Крылатая лошадь, однако же, тоже устала –
Сейчас она спит, своей гривой от всех укрываясь.
Тогда я отправилась пешей к ближайшей планете,
Где жили в звериной войне марсианские прайды.
Там вышли встречать меня львицы, имперские дети,
А с ними на огненном льве исполин-гладиатор.
Мне воин сказал: «Уходи, убегай поскорее.
Тебе ли смотреть на исход бесконечных сражений?
Ты лучше найди в этом мире пречистую вербу,

Избавь нас и наших врагов от безумных мучений.
Я слышал от деда, что эта волшебная верба
Всех умерших к жизни один раз в сто лет возвращает,
Что грешников верба возносит на светлое небо,
И боги их души со скрипом на сердце прощают».

Закат приближался. Верхом на разгневанной львице
Я прочь поскакала от красной, пустынной планеты.
Пред внутренним взором стояли безумные лица
Какого-то странного мертвенно-жёлтого цвета,
И солнечный ветер трепал золотистые пряди,
Закручивал их, как кузнец, в обручальные кольца
И прятал на острове в качестве тайного клада,
Как будто ему было мало огромного солнца.
Со скоростью света бежала в объятия смерти
Моя марсианская львица с огнём вместо гривы,
И развевал её пламя космический ветер,
Как ветер качает плакучие, старые ивы.
Густая туманность созвездия Единорога
Едва не задула огонь королевы саванны,
И, рыкнув, как гром, на вождя боевого народа,
Она побежала назад к марсианскому прайду.
Тут холод был страшный. Стучали о льдины копыта,
И пар из ноздрей вырывался большими клубами.
Их земли нетающим льдом, как скорлупкой, покрыты,
Их горы до самых верхушек покрыты снегами,
И единороги, обросшие шерстью, как яки,

Паслись на не знающих солнца заснеженных тундрах.
Им снились согретые лаской кровавые маки,
Пока они спали в огромных разрушенных юртах.
Ко мне подошёл, опираясь на посох, суровый,
Одетый в косматые шкуры и древние латы,
Измученный викинг. Сказать не успела ни слова,
Как заговорил снежный воин и правнук атлантов:
«Беги поскорее назад в свои тёплые страны.
Тебе ли здесь мёрзнуть от колкого, злого мороза?
Наш бой, к сожалению, с прайдами – это константа.
Не стоят того твои нежные, девичьи слёзы.
Галопом лети в удивительный мир без печали,
Там горя не знают, и войны его не тревожат.
Мне дед говорил, что там скорбь никогда не видали
И верба растёт под вниманием бархатной кожи.
Ты эту волшебную вербу найди, если сможешь:
Она награждает любого несметным богатством.
Мы отдали б всё за неё, если б было возможно,
Весь мир бы отдали, ведь что ещё нужно для счастья?»
И я поскакала верхом на седом иноходце
Подальше от этой холодной, колючей планеты.
Я слышала храп его в старом, замёрзшем колодце,
Похожий скорее на гром среди тёплого лета.
Я видела, как развевалась косматая грива
И как ударялись о наст ледяные копыта.
Мне холод внушал его взгляд: он был острый, как бритва,

Он мне говорил, что былое ещё не забыто.
Рогатая лошадь рысцой доскакала до места,
Где птицей парила густая седая туманность,
И я отпустила её, словно осенью лето,
Ведь ей угрожала не видная глазу опасность.
В туманности той жили злые огромные змеи,
Прислужницы хитрости и мастерицы обмана.
Они обвивались вокруг чьей-то сломанной шеи
И тихо шипели, исчезнув под толщей тумана.
Зрачки вертикальные резали мглу, как кинжалы,
И слабо мерцали стеклянные радужки нагов.
Собой обвивая холодные острые скалы,
Они уползали на дно ещё тёплых оврагов.
Ко мне вышел рыцарь верхом на огромном драконе,
Скупой властелин и правитель Кошачьего Глаза.
Он молча сидел на камнями украшенном троне,
Как будто не он здесь подписывал злые указы.
«Какая принцесса... Но что ты забыла тут, радость?
Моё королевство – змеиный клубок, без обмана.
И неужель ты не чувствуешь рядом опасность,
О милая дочка судьбе неизвестного клана?
Ты знаешь, родная, есть где-то в пространстве вселенной
Пречистая верба. Волшебный цветок исполняет
Любое желание жизни безнравственной, грешной
И алчные души в стыдливую краску вгоняет.
Ты эту пречистую вербу найди, будь нам другом.

Я слышал от деда, что власть она дарит любому,
И эта мечта, моё сердце пусть будет порукой,
Нас жить заставляет подобно всесильному богу».
И старый дракон, свернувшись в огромные кольца,
Взлетел прямо в небо, навстречу зияющей бездне.
Там где-то мерцали едва различимые звёзды,
И плыли, как рыбы, кометы по мёртвой вселенной.
Мне чудился взгляд чей-то пристальный, цепкий, колю-
чий,

Он будто меня провожал до черты горизонта.
Когда ты успел стать настолько банальным и скучным,
Мой мир, что для жизни был раньше пригоден?
Сменялись пейзажи, и тропики влажной планеты,
Как пар, испарялись и так же, как души, летели.
В ушах ещё фраза звенела «Я слышал от деда...»,
Её говорили богатые царские дети.

Последняя станция вечных напрасных скитаний
Вдали показалась, и бросил дракон прямо с неба
Меня на святую обитель любви и страданий
В надежде, что там я найду ту волшебную вербу.
Под рокот дракона пошла я по звёздной дороге
И вышла к галактике маленьких смелых колибри.
Маячил вдали образ светлый, прозрачный и лёгкий,
И голос мой резал его, словно острая бритва.
Царей там не встретила я, не увидела трона,
Там правили птицы своим королевством видений.

От нечего делать надела на лоб я корону
И стала принцессой прекрасных цветочных владений.
Мне трон из напрасных надежд смастерили те птицы
И сшили из детских мечтаний богатое платье.
В волшебном дворце поселились прекрасные жрицы
И диадему на лоб мне надели крылами.
Я грустно вздохнула и вербу свою посадила,
Которую всё это время держала у сердца,
Почти у порога. Пусть это совсем не могила,
Но там похоронена верба без «б» самодержца.

Пекин

Гудок. Паровоз. Машинист.
Режущий уши свист –
Воздух рассекающий хлыст.
Колёса грохочут, плачут.
Вагоны по рельсам скачут.
Шпалы ничего не значат.
Вдали журавлиный клин
Летит среди небесных руин.
Я с ними. Я еду в Пекин.

Убийца с шахматной доской

Я шёл по Битсевскому парку.
Луна висела над тропой.
Из темноты следил за мною
Убийца с шахматной доской.
Я на мгновение увидел
Его горящий, страшный взгляд,
Лицо с оскалом, как у львицы,
И на зубах змеиный яд.
Бежать? Куда? Вокруг дерева,
Дорог извечный лабиринт.
Я вдруг поверил в те поверья,
Что тянут тайной, как магнит.
Но он реален: вот он, монстр,
Безумный битцевский маньяк,
Горящий взгляд, как бритва, остр,
В глазах плескается коньяк.
– Ты знаешь, друг, – вдруг хриплый голос
Сказал в полночной тишине, -
Путь жизни тонок, словно волос,
Лишать его тебя не мне,
Но я когда-то спор затеял
И сел за чёрно-белый стол.
Безумной магией навеян,

Я кровью весь заляпал пол.
На той доске фигуры шахмат
Все были, каждый, в полный рост,
Но знал бы ты, как значит мало
Для них мной утверждённый ГОСТ.
Мне не хватает лишь последней –
Фигуры белого слона,
И вот сейчас в кольце видений
Передо мной стоит она.
Какой иронией пропитан
Был этот страшный, жуткий зверь!
На тот момент – будь проклят титул! –
Я был в отставке офицер.
– Тебя убью, – маньяк продолжил, –
И доиграю до конца.
Довольно ты на свете пожил,
Создание нашего Творца.
– Послушай, друг, – дрожащий голос
Страх выдал в мёртвой тишине;
Так на бескрайнем поле колос
Дрожит и плачет при луне. –
Я, как и ты, играю честно.
Прошу, хотя бы фору дай!
Исход игры мне неизвестен,
Но попаду, надеюсь, в рай.
Не знаю я твоей фигуры,

Мне нужно начинать с нуля,
Но видно по багровой шкуре:
Я шут у трона короля.
Так дай мне по диагонали
Умчаться сквозь проклятый парк!
Как я боялся, вы бы знали!
Я ждал судьбы условный знак,
И он явился. Словно тигр,
Мужчина бросился за мной...
Потом в кошмарах долго снился
Убийца с шахматной доской.

Волки в овечьей шкуре

Капают капли,
Цапают цапли,
Тянутся к югу леса.
Всё в мире, как прежде,
И в вечной надежде
Куриц ворует лиса.
Луга зеленеют,
Цветы молодеют,
Овец охраняет пастух,
И где-то в деревне,
Почти что как в песне,
Кричит на рассвете петух.
Но овцы не дремлют:
Лишь время к обеду,
А волки уже тут как тут.
Овцы их знают
И с ними играют,
Не успеешь моргнуть – загрызут.
Стадо на пастбище,
И серые лапища
Из-под колечек видны,
А кровь на зубах
Вселяет лишь страх

При свете огромной луны.
Но вы не спешите
Решать, кому выжить:
Я жду необычный конец.
В объятиях страсти,
Забыв про напасти,
Вручу я терновый венец.
Солёную влагу,
Медаль за отвагу
И премию лживой натуре
Получат, я знаю,
В невиданном крае
Волки в овечьей шкуре.

Кошмар

Мне приснился кошмар: стая диких ворон
Надо мной кружит, исполняя танец.
Из груди вырывается то ли смех, то ли стон,
И неспешно подходит ко мне иностранец.
Такие чистые, ясные голубые глаза,
Требующие от меня прямого ответа,
Солнце, идущее с запада на восток,
И речь тёмно-серого цвета.
Ответа нет. Он отходит назад,
И пламя хватает меня за плечи.
Среди сотен тысяч бесполезных наград
Найдётся одна за скорбь и увечья.
Как льдинки, чисты его злые глаза,
Но этот пожар не растопит лёд сердца.
Горящие мысли, скупая слеза
И эта страшная речь цвета пепла.

Вы не волнуйтесь, я сейчас уйду...

Вы не волнуйтесь, я сейчас уйду,
Я навсегда, быть может, вас покину,
Я только допишу свою судьбу,
Оставлю след – и сразу же в могилу.
Скажите, пожалеете меня,
Когда на камне возраст разберёте,
Или рукой махнёте, как всегда,
И прочь от кладбища неспешно побредёте?..

Шелковица

Эхом отражаются в колодце
Доброе лошадиное лицо,
Мягкие соцветия шелковиц,
Облака, налитые свинцом.
Одинокий дождь спугнул в июле
Летнюю и душную жару
И нагнал на вспаханное поле,
Словно дым, туманную зарю.
Тутовое дерево, тутовник,
Вязкий и текучий, словно мёд,
Над скалой соцветием растёкся,
Растопил собой весенний лёд.
Лошадь жуёт ягоды и листья,
Вяжущие зубы и язык.
Храпом отражается в колодце
Приглушённый лошадиный крик.
Тутовые гроздья, словно лапы,
Ветви, заключённые в кольцо,
Перегнувшееся через камни
Доброе лошадиное лицо.

Кома

В больнице девушка лежала третий месяц
В глубокой коме, словно в крепком сне,
И русый волос разметался по подушке,
Серебряной в мелькающей луне.
Она была не здесь, она бродила
По уголкам заснувшей головы.
Какие мысли кома подарила?
Какие теперь мозг глодают львы?
О, та страна – смесь рая с сушим адом.
Там нет царей, что вдруг захватят трон,
И, в тишине играя кандалами,
По вечной лестнице идёт Наполеон.
Вот поворот... Безвольная дорога,
Как всё и все, уходит в никуда.
Что я найду у сонного порога,
Где светит Вифлеемская звезда?
Как всё темно и мрачно в этом царстве!
Такой пустыней правил бы Аид,
Если б тогда божественные братья
Тянули жребий, чтоб разрезать мир.
Там кто-то есть и нет одновременно,
Там плоть имеют зависть и любовь,
И всё ещё мечтает править миром

С судьбою не смирившийся Адольф.
Вот девушка проходит мимо Лены –
Как символично здесь течёт она! –
И смотрится в неё, вздувая вены,
Как в зеркало, пятнистая луна,
И лунный диск как шкура леопарда,
И стадо облаков как гурт быков,
И все они бегут, гонимы страхом,
От солнца обжигающих клыков.
Она идёт, куда, сама не зная,
Бежит подальше от косых дождей
И ловит на себе с худых окраин
Надменный взгляд презрительных вождей.
Она сквозь них проходит, словно призрак;
На дне реки сверкает взглядом сталь.
О, что за ненависть живёт в тебе и дышит,
Меж небом и землёй диагональ?
А рельсы, бесконечные, прямые,
Бегут куда-то прямо по воде,
И грузный силуэт локомотива
По ним уходит в гости к тишине.
Тебе бы сесть в него и тоже наконец-то
Вернуться в мир знакомый и родной,
Но пассажиров нет и нет билетов:
Все проданы насмешливой судьбой.
Она на электричку не успела,

На самолёт боялась опоздать.
Она по сторонам не посмотрела,
А он на тормоз не успел нажать.

Туман

Я чувствую густой седой туман,
В котором лошадь белая пасётся.
Иль это всё – бесчувственный обман,
И эта лошадь небом обернётся?..
Бежит река из дивных дальних стран,
Несёт оттуда голубые воды,
Собою рвёт белеющий туман
И шепчет мне разученные оды,
И лошадь белая, как облако, скользит
Вдоль линии земли и океана,
И в ту страну огромный синий кит
Везёт её, сливаясь с облаками.
Всё облако и всё седой туман –
Он дым из папиросы Посейдона.
О лошадь белая, неужто ты обман,
Рождённый подсознанием больного?..

Бессонница

Уже девять часов, а я до сих пор не сплю.
Это какой-то кошмар! Я когда-нибудь лягу?!
Я жизнь эту очень, даже слишком люблю,
Я её любить давал когда-то присягу.
Уже десять часов, и, хотя я не раб,
Вздремнуть полчаса мне, увы, не получится.
Как бы вырваться мне из озлобленных лап
Обиженной мною жизни-попутчицы?
Одиннадцать вечера, давно пора спать,
А я до сих пор непонятно чем занят.
Верите, мне бы хотелось узнать,
Как остальные свой век коротают.
На дворе уже полночь... Как время летит.
Такое ощущение, что мне спать не положено.
На улице мартовский ветер свистит:
Он тоже не спит, развлекаясь с прохожими.
Час ночи пробили у соседа часы –
Я спать ещё не собирался ложиться.
Я забыл, когда видел последний раз сны,
Да даже кошмары перестали мне сниться.
Два ночи... На улице вновь тишина.
Как давит она на измученный разум!
Тебе хорошо там, подруга Луна,

На небе вершить человеческий фатум.
Три ночи. Быть может, зайдёт погостить ко мне Вий.
Я счастлив бы был его появлению,
И даже лукавый, искушающий змий
Не помешает моему вдохновению.
Четыре утра; скоро новый рассвет.
Мне крик петуха не придётся услышать.
По истечении тысячи лет,
Дай бог, я засну под разохшейся крышей.
Светает, и на часах пять утра.
Безжалостны стрелки моего циферблата,
И в комнате вновь наступает заря,
За бессонную ночь очередная награда.

Триптих

Я помню всё, как наяву:
Перо, пергамент, звуки лиры.
Рождались в этой тишине
Сонеты Уильма Шекспира.
Я спать легла, но сон не шел:
Пуста кровать, и сердце пусто.
Твой разум свой покой нашёл
В гостях у легковерной музы.
Но я тебя ведь не виню:
Твои сонеты – хлеб семейства;
Я день и ночь Творца молю
О посещении Мельпомены.
Рождение, свадьба, чья-то смерть –
Такой извечный триптих жизни.
Его не трогает ни лесть,
Ни чувства: здесь они излишни.
Мне было где-то двадцать шесть –
Тебе всего лишь восемнадцать, -
Но нам пришла благая весть,
И мы решили обвенчаться.
Ты вновь молчишь, и я молчу.
Прозрачен взгляд во мраке ночи.
Я подношу к глазам свечу,

И выдают пустые очи:
Душой ты где-то далеко,
В просторах хроники и драмы,
И лишь шуршит во тьме перо...
Пергамент, триптих, фимиамы.
Быть может, наши имена
Узнают люди всего мира,
И мы насытимся сполна
Звучанием Уильяма Шекспира,
Ну а теперь вокруг лишь ночь,
Сожжённый ладан нос щекочет
И беспрестанно гонит прочь
Пергамент, триптих, танец строчек.

Сказка о прекрасной принцессе, храбром рыцаре и злом колдуне

У синего моря принцесса жила,
Прекраснее солнца принцесса была.
И замок, и море, и горы, и лес –
Всё в жизни принцессы имело свой вес.
Лишь ночь наступала, принцесса фонарик
Брала в свои руки, и робкий комарик
Её провожал до закрытых ворот,
Где подслеповатый от времени крот
Подземными тропами вёл её прочь,
Туда, где царила над городом ночь,
Где чёрный орёл в тёмном небе парил,
Бессовестный ветер, играясь, дразнил.
Принцесса вставала у роц и дубрав,
И гордая птица летела стремглав
К принцессе на тёплый спасительный свет,
Который узнала б спустя сотню лет.
И эта принцесса верхом на орле
Летела сквозь ночь к одинокой скале
И там оставалась до самой зари.
Сияя своей красотой изнутри,
Она освещала и море, и лес,

Темнеющий купол далёких небес,
В воздушном просторе заснувшие скалы,
На них прикорнувшие белые валы,
Деревья с зелёной короной листвы,
Оранжевый хвостик плутовки-лисы,
Ночных мотыльков заводной хоровод
И шёпот уснувших у берега вод.
Принцесса всю ночь проводила, дрожа
От страха и холода, будто ножа
Голодное лезвие кралось в ночи,
Желая законную кровь получить.
Но ночь проходила, и солнце вставало
Над мёртвым утёсом, всю тьму прогоняло,
Сжигало лучами всю скорбь и беду,
Испепеляло собой темноту.
Принцесса гасила свой яркий фонарь,
И в колокол бил неустанный звонарь,
Провозглашая над спящей землёй
По-летнему рано вернувшийся зной.
Зачем она делала это, сказать?
Ходила на гору фонарь зажигать,
Стояла там, свет провожала во тьму,
Печально смотрела на лодку-луну,
Которая медленно меж облаков
Плыла в направлении сказочных снов,
И милой принцессе всё пел соловей

О времени канувших в прошлое дней.

На свете когда-то жил рыцарь. Он был
Красив и умён, его огненный пыл
И жён, и мужей заставлял трепетать,
Кого-то – от страха, кого-то – под стать.
Принцесса была от него без ума.
Частенько она приходила сама
В его комнатушку под сводом дворца,
За воина благодарила Творца
И вечера проводила тайком,
Беседуя с ним ни о том, ни о сём,
Почти щебетала, как птица в саду,
Не опасаясь накликать беду,
И счастлива эта принцесса была,
Не зная в стране своей горя и зла.
Но счастья недолог был радостный век:
Однажды к принцессе пришёл человек,
Угрюмый и мрачный, как грозы весной,
Укрытый от глаз посторонних фатой.
За ним попятам беспросветная тьма
Бежала по всё ещё тёплым следам,
И вяли, едва распустившись, цветы,
Потерянные среди злой темноты.
К принцессе тот путник, смеясь, подошёл:
«Я долго искал тебя – всё же нашёл.

Мой путь проходил сквозь густые леса,
Меня поливала дождями гроза,
Пустыни сушили, сжигали дотла,
Среди урагана терялась зола,
И гнали песчаные бури меня
Сквозь пламя голодного, злого огня.
Прекрасен, принцесса, чудесный твой край,
И он для меня словно ласковый рай.
Я править им долгое время мечтал,
И всё же у ног твоих, раненый, пал.
Ты видишь: я предан за зло своё тьме.
Глуха и слепа она к людям, ко мне.
Я б птицей взлетел от неё к облакам,
Но счастья, увы, не найти даже там.
Так пусть будет проклята эта страна!
Коль мне радость жизни, увы, не дана,
Покроются мраком все земли, и вновь
Забудут людские сердца про любовь!»
Тут рыцарь из ножен достал свой кинжал
И на защиту принцессы вдруг встал:
«Как смеешь ты, bestия, трус и подлец,
Винить людей в том, что удачи венец
Достался другому, тому, кто пахал
На поле пшеничном, кто плакал, но знал,
Что будет когда-нибудь солнечный день,
И тьмы беспросветная, чёрная тень

Уйдёт навсегда, растворится, как дым,
Сожжённая робким лучом золотым?
Как можешь ты солнце за свет и тепло,
За то, что оно нам когда-то дало,
Винить и ругать, словно ты тут Творец,
А не испорченный завистью льстец?
И как ты посмел, змей коварный и злой,
Принцессы коснуться поганой рукой?
Беги, чужеземец, из этой страны
Прямо в объятия безликой луны!»
«Луны, говоришь? – прошептал человек. –
Пусть будет по-твоему, но только не век,
Не двести, не триста, не тысячу лет
Ты будешь искать на вопрос свой ответ,
А долгие годы до тех самых пор,
Когда хитрый лис будет больше не вор,
Поднимутся курицы к гордым орлам
И овцы придут на прощание к волкам.
Тогда, храбрый рыцарь, над вашей страной
Как прежде взойдёт тонкий нимб золотой.
Ты вместе с принцессой пойдёшь на восток,
И будет всё так, как сейчас я предрёк.
Вы будете тенью великих светил
Ходить по земле, упадёте без сил,
Но встанет луна, и почти вместе с ней
Ты, рыцарь, по щёбню пустишь коней.

Лишь солнце взойдёт, и принцесса маяк
Зажжёт на рассвете, как символ и знак,
Что утро настало на спящей земле
И время уйти всеобъемлющей мгле».
Сказал человек. Воплощение тьмы,
Собою заполнив людские умы,
Стремглав растеклось по цветущей земле,
И свет уступил трон правителя мгле.

С тех самых далёких, забытых времён
С востока на запад принцесса идёт,
И с запада на предрассветный восток
Всё тянется юный прекрасный цветок.
А рыцарь, как истинный воин, с мечом
Идёт за принцессы святым фонарём
И спину её защищает от бед,
Пока не погас их спасительный свет.
И всё же, в кого превратились они?
Колдун их за крепкую веру бранит,
За то, что по кругу идут без конца,
Любуясь друг другом издавека,
И время их встреч – лишь закат и заря.
Для них не бывает указов царя,
Всё потому, что день с ночью – страна,
Принцесса есть солнце, а рыцарь – луна.

Прекрасная страна

Есть солнце, есть луна, а есть одна
Красивая и вечная страна:
Я видела её в прекрасном сне,
Но верю, есть ей место на земле.
Там птицы белоснежные, как пух,
Там от волков не стережёт пастух
Стада овец, поскольку облака
Там стерегут овечек от врага.
Там не от кого прятать серебро,
Там золото дешевле, чем добро,
Там голубь – символ мира, хотя свет
Там зла не видел больше десяти лет.
Там дышат зеленью большие города,
Бежит по улицам хрустальная вода,
Когда весенний дождь стучит в окно
С нахмурившимся небом заодно.
Там колыбельную невзрачный соловей
Поёт для спящих в комнате детей,
И взрослые, заслушавшись певца,
Уснули сами в позе мудреца.
Я точно знаю, что меня там ждёт
Такая долгожданная любовь...
Она ответна будет, я не вру,

И чистая, подобно серебру,
Ведь в той стране нет слёз и нет обид,
Там вымерла печаль как древний вид,
Там зеркала не отражают скорбь,
И грусть не морит душу, словно топь.
Ведь там одна беда – настала ночь,
Весёлый день закончился точь в точь
В разгар игры, но вот ушла луна,
И снова просыпается страна.
Поверьте мне, не видели измен
На той земле великих перемен,
И люди, проживая до конца,
Не знают там ни труса, ни лжеца.
Есть солнце, есть луна, а есть она –
Волшебная, прекрасная страна.
О, что за сон привиделся тогда?
Не знаю, но запомню навсегда.

Преступление и наказание

– Господа, понимаю, Вы жаждете кровь,
Но прошу Вас: минутку внимания,
Ведь на Ваших глазах совершаются вновь
Преступление и наказание.
О судья, я на твой строгий суд предстаю,
Но, прошу, не руби сгоряча –
Перед тем, как лишить меня грешной души,
Позови-ка ко мне палача.
Ты скажи мне, палач, есть семья у тебя?
Может быть, есть любимые? Дети?
И тебя ведь не раз выручали друзья
Из-под страшной безжалостной плети?
Разве ты не бродил по пустынным мостам,
Не сменялась днём площадью площадь,
Ты не видел на них жизнью сломленных дам
И кнутами забитую лошадь?
Нет, не видел? А мне это снилось во сне...
Ночи – самое страшное время.
Ты бы знал, как мне хочется сбросить с себя
Нищеты ненавистное бремя!
Я позволил себе человека убить –
Это правда, я спорить не стану, -
Но когда в темноте путеводная нить

Не приводит ко мне Ариадну,
Умирает надежда на светлую жизнь.
Изменить себе было не просто,
Но пришлось мне на время про совесть забыть,
И теперь в голове катастрофа.
Философия бедных, увы, такова,
Что стираются рамки морали.
Через тонкую грань чистоты и добра,
Признаю, мы не раз преступали.
Ну, что скажешь, палач? Я, по-твоему, неправ?
Где, когда, почему оступился?
Отчего раздражительный, вспыльчивый нрав
С нравственностью не смирился?
Тишина оглушала не хуже, чем шум,
Но Раскольников ждал терпеливо,
Пока острый, не знающий отдыха ум
Все шаги просчитал торопливо.
– Да ведь ты и не грешник! – смеётся палач. –
Так считать – не найдется убийцы,
Только вот до сих пор слышу сдавленный плач
В лисьей пасти трепещущей птицы.
Ты философ, «раскольник», совсем альтруист,
Твоя гордость не знает урона,
Ведь не зря на картинах почти во весь рост
Ты стоишь рядом с Наполеоном.
Ты о цели великой давеча взболтнул –

Где же деньги для бедных и нищих?
Ты и сам ведь живёшь лишь на то, что дадут
Не из жалости, а из приличий.
Говорил, нищета подтолкнула тебя
На убийство – поправь, если ложно, -
Но под камнем подальше от глаз и греха
Лежат деньги, но разве так можно?
Ты не бойся, раскольник, у нас ещё есть
Час-другой побеседовать мило.
Я тебе расскажу одну страшную весть,
А потом отпущу тебя с миром.
Помнишь, вышла недавно статья?
Браво, друг, гений злой аллегии!
Правда, жаль, – захихикал судья, -
Провалилась проверка теории!
Что ж, раскольник, ты деньги не взял?
На душе скребут чёрные кошки?
Ты не выдержал груз? Силу не рассчитал?
Меж домов змеёй вьётся дорожка,
И ты меришь шаги от стены до стены,
Разум ищет пути отступления,
Пока жертва ещё видит сладкие сны
За мгновение до преступления.
– Кто ты?! – в ужасе вскрикнул юнец.
– Тот, кто всегда с тобой.
– То есть?..

- Самый строгий судья, самый честный истец...
- Кто же ты?!
- Я – твоя совесть.

Закон подлости

Деньги, увы, не растут на деревьях,
На деньги, увы, ты не купишь любовь.
Крепкая дружба ржавеет со временем,
Как высыхает со временем кровь.
Как только привяжешься – люди уходят,
А не привяжешься – ждут тебя век,
Как верные псы, у пустого порога.
Что же с тобою не так, человек?
Остался зонт дома – гроза водопадом,
А взял зонт с собой – и ни капли дождя.
Так в жизни сложилось, что трусом и гадом
Становится тот, кто нёс титул вождя,
И наоборот: тот, кто гадом последним
Казался тебе, оказался в душе
Доблестным рыцарем с честной победой,
Что о себе не трубит в тишине.
Ради того, кого сердце лелеет,
Свершаем мы подвиг, а любят нас те,
Кому этот подвиг как лишняя доблесть
В копилку к уже засиявшей звезде.
Вы спросите, что это – я вам отвечу:
Знакомая фраза не миф и не сон,
Правит давно нашим брошенным миром

Подлости старый, как время, закон.

Белые лошади

Белые лошади бьются о стену,
И красная кровь превращается в пену.
Спасите их, люди! Ах, бедные лошади!
На этом веку вам не скрыться от площади!
Прогнившее сено давно опротивело,
Камни брусчатки ногам опостылили,
На улице дождь... Мои бедные лошади!
Что вы забыли в разрушенном городе?
Вам бы на волю, туда, где пшеница
Качается в поле, где волк и лисица
Между собой делят реку и лес:
На чьей же теперь стороне перевес?
Вам бы вдоль моря стремглав пробежаться,
Солёными брызгами к небу податься
Навстречу. Как ветер, взлететь к облакам
Назло завывавшим от горя волкам.
Но где вы?.. Бетонные злые коробки
В ночи перерезали белые глотки,
И белая грива, как пух тополиный,
Летает над городом-исполином.
Жестокие люди! За что же так с вами,
Белые лошади? Вдаль караванами
Вы, спотыкаясь, бредёте по площади.

Унылый ваш век, мои бедные лошади!

Баллада о любви

В далёкой земле на рассвете всей жизни
У моря седого жил бедный старик:
Он рыбу ловил, пока кровь не остынет,
Не вырвется прочь обезумевший крик.
Он землю пахал, пока ноги не скажут:
«Оставь плуг и вилы, старик, отдохни»,
Пока горький хмель ему рот не завяжет
И трон не покинут рассудка цари.
Но этот старик, несмотря на работу,
На труд и усердие бедной души,
Был твёрд, как сухарь, и был чёрств, как краюха
Забытого хлеба в бедняцкой глуши.
Его доброта улетучилась с ветром,
И влагу заботы впитала земля,
А пламя костра с наступившим рассветом
Сожгло тени чувства, как ночи – заря.
Я знаю, мой друг, почему он так скромен
На ласку и нежность к знакомым, к себе,
К цветущему миру и белому свету
И чужд его дышащей жизнью земле.
В нём грудь ноет болью, как старый корабль,
Идущий по морю сквозь бурю и шторм,
И в горле душевный, сердечный ансамбль

Клокочет, как будто разгневанный гром.
Был день в его жизни... Давно, ещё раньше
Прекрасная дева на свете жила,
И юноша, ныне старик безотрадный,
Влюбился безумно в неё. Как стрела,
Однажды любовь его сердце пронзила.
Как он с ней ходил и ни жив, и ни мёртв,
Осталось загадкой, но точно я знаю,
Кем полон был сборник его сладких снов.
И так тридцать лет. Дни стремглав пролетели,
И юноша больше уже не юнец,
Лишь девушка всё ещё кроткая дева,
И для неё будто времени нет.
Любовь всё растёт; жизнь прошла незаметно,
Любовью одной только дышит старик,
А девушка та словно вечное лето,
Цветок, что спустя даже вечность не сник.
За осенью тёмные зимние ночи
Проходят без шанса вернуться назад,
И старика потускневшие очи
На мир равнодушно и тускло глядят,
И есть лишь одно существо на планете,
Которое их заставляет цвести,
Как будто осколок далёкой кометы,
Светиться своей добротой изнутри.
Однажды... Тот день был угрюмен и мрачен:

Ещё до рассвета носилась гроза
Над раненым морем, и с грохотом, плачем,
Подстреленной птицей металась она.
И пенилось море, и брызги, как слёзы,
Летели из глаз возмущенной волны;
Мне кажется, даже кровавые розы
Свой цвет поменяли на цвет глубины
Стихии морской. В этот день побережье
Скрывалось в домах от холодных ветров,
И лодка ничья из залива не вышла
Навстречу убийственной силе штормов.
Но кто это?.. Два силуэта на пляже:
Один словно хрупкий и робкий цветок,
Застраивший случайно на пирсе рыбацком,
И приклонённый к земле старичок.
Ох, море... Огромные синие волны
Стегали тот пирс и людей, как кнутом,
Но бедный старик шёл сквозь них, и упорно
Держалась девчушка. Почти молодцом,
Как в ранние годы, старик идёт дальше,
А камень-то скользкий, поросший травой,
Но в старике снова силы, как раньше,
И он, окружённый бурлящей водой,
Шатаясь, упрямо идёт к своей цели.
Он слышит грозы ужасающий гул,
Он видит в глазах её отблеск надежды,

Он девушке руку почти протянул,
Но злая волна, как рука Посейдона,
Неукротимая, как дикий зверь,
С собой забрала без единого стона
Ту девушку. Будто захлопнулась дверь
Сейчас перед старцем. Он видит, как в бездне
Её тело бьётся: один удар, два...
И нет сил считать! Он дельфином ныряет,
Пытается тело на воздух поднять –
Оно, как назло, камнем падает в бездну, -
Старик устремляется следом за ней,
Но поздно уже, и погасли в расцвете
Глаза, что сияли, как пара огней.
Закончился шторм. Вечер тихий, спокойный.
Смирилась с законной победой гроза.
Сидел на песочке в обнимку с усопшей
Безумный от горя старик. Лишь глаза
Живут ещё как-то: уныло и пусто
Во всём его теле, в душе, в голове.
Мысль вязко течёт, в мыслях топко и густо;
Не думал старик о дальнейшей судьбе,
Он качал на руках, как родитель младенца,
Безвозвратно ушедшее счастье, любовь,
И как символ трагедии деве осталась
На затылке засохшая чёрная кровь.
Старик, что с тобой? Неужель помутился

Рассудок, не справилась с горем душа,
И прошёл мимо тот, за кого ты молился,
Прямо в бездну, на смерти верхом, не спеша?
Закончилась буря, и видели люди,
Как брёл вдоль дороги тот старец пешком,
Неся, как сокровище, мёртвую деву,
И шёл он, шатаясь, как будто сквозь шторм,
Но не было шторма, и не было бури,
Вода, как повидло, спокойно спала,
В природе уже не осталось злой дури,
Гроза разве только в рассудке была.
И сердце не билось, как птица о прутья,
И сумрачно в старческой было груди,
И злая душа порвалась бы в лоскутья,
Если бы ткань была вместо души.
Увы! Отошла на тот свет его дева,
И обезумел от горя старик:
Всю ночь просидел он у мёртвого тела
И вдруг сам с собой тихо заговорил:
«Добро... Нет, я слышал, что нету
Суда справедливого в наших краях,
Вообще в этом свете, что жаркому лету
С зимою быть проще, чем с жизнью в ладах,
Что лисы скорей куриц есть перестанут,
Чем кто-то дождётся ответной любви,
И заживёт чья-то вечная рана,

Что клятвой когда-то была на крови.
Как сердце болит... И душе моей тошно,
Невыносимо... Кто создал тебя,
Ты, любовь? Нет, так жить невозможно,
Навеки ушедшую вечно любя.
Какой тогда смысл бороться, стремиться,
Когда по велению дуры-судьбы
Стираются наши любимые лица,
И жизнь, словно лошадь, встаёт на дыбы,
Но вновь за поводья к земле её тянет
Не конюх жестокий, не рыцарь с мечом,
А тот, кто сторонней печали не знает
И дышит одним только сказочным сном?
Ну нет уж, судьба... Я ещё не смирился!
Попробуй теперь ты меня усмирить!
Увидишь, как в гневе, порою бессильном,
Бывает опасно и глупо дразнить
Забитого зверя... Бороться с тобою
Готов до последнего вздоха был я,
Ну а теперь, разлучённый с любовью,
Я объявляю войну навсегда!»
И вот, опьянённый воинственной речью,
В припадке безумства схватил старик нож –
Он сталью сверкнул; робко вздрогнули свечи.
«Так знай же, судьба, мои чувства – не ложь!» -
Вдруг старец воскликнул. Под тихий свист ветра

Раздался в ночи ужасающий крик,
Нож в тело вошёл одним точным движением...
И вырезал сердце безумный старик.
Он дышит, хрипит... И в груди его пусто:
Вся боль вместе с сердцем мгновенно ушла,
И с каждой минутой, почти равнодушно,
В крови растекается вязкая мгла.
Пока тепло сердца в груди не остыло,
Он клетку и девушке разом вспорол,
И всю ту любовь, все те чувства былые
Вдохнул в неё вместо безнравственных зол.
«Давай же, любовь, – прошептал тихо старец, -
Великую силу свою докажи!
Пусть сердце моё бьётся ради другого,
Прекрасную девушку вновь оживит!»
О чудо! Пусть старец теперь равнодушен
Без органа чувств, и ему всё равно,
Вернёт ли из мёртвых любовь его жизни
Владыка Аид, громко бьётся оно –
Оно – его сердце – в груди бедной девы,
Качает недавно остывшую кровь,
И в доказательство искренней веры
Её возвращает на землю любовь.
Вот дева проснулась... Как что-то большое
О рёбра стучит, она чувствует. Нож,
Сверкающий сталью, лежит в руке старца,

И всё, что здесь было – кошмар, а не ложь, -
Всё чистая правда. Старик взглядом мрачным
Обводит творение собственных рук,
Но нет в нём ни отблеска радости, счастья,
Лишь след от недавно испытанных мук.
Вот так вот, друзья... Свой рассказ завершаю –
Надеюсь, баллада понравилась вам –
И с совестью чистой теперь разрешаю
Дать волю скопившимся в горле слезам.
А может быть, вам ничего не сказала
Баллада моя. Что ж, тогда помолчу
О чувствах возвышенных, но напоследок
Подумать о силе любви поручу,
Ведь только она, да, она оживила
Прекрасную девушку, старца любовь,
Та самая жизнью дарёная сила:
Мы за неё отдаём свою кровь,
Становимся чёрствыми, злыми порою,
Живём в одиночестве гордый свой век,
Мы, разлучённые глупой судьбою,
Лишь бы был счастлив один человек.
Скажу по секрету, живут и поныне
В местах, где не тает весною ледник,
Прекрасная девушка и вместе с нею
В прямом смысле слова без сердца старик.

Оксюморон

*Оксюморон – образное сочетание
противоречащих друг другу понятий.*

В моей груди зияет тенью бездна,
И в жилах, как обычно, стынет кровь,
Всё потому, что знаю я, любезный:
Оксюморон – ответная любовь.
Ты говоришь, а я живу надеждой,
Что хватит воздуха до реплики своей,
И для меня услугою медвежьей
Является твой искренний привет.
А почему? Да потому что больно
Встречаться и прощаться каждый раз,
Не зная, рад ли ты меня увидеть.
Ты, говорят, заядлый ловелас
И, видимо, со мной ты только скромн,
Со мною пуст и холоден, как лёд,
Ведь список твоих радостей огромен
И, может быть, совсем уже не тот,
Что был когда-то раньше, на рассвете
Знакомства нашего и наших первых встреч,
И ты передо мной теперь в ответе

За то, что заставляешь их беречь.
Я их забыть была бы очень рада,
Да только сердце бережно хранит
Их стёршуюся жёлтую бумагу,
След выцветших от времени чернил.
Без воин, без интриг и без сражений
Ты захватил когда-то в сердце трон,
И вот теперь не спорь, я говорила:
Ответная любовь – оксюморон.
Ты одиночка; молчалив, печален,
А я, как луч, играю на стене,
И зеркало кривое отражает
Эмоции, пришедшие извне.
Ты мрачен и безмолвен, как ноябрь,
А я светла, игрива, как апрель,
Но как тебе помочь, увы, не знаю,
И вызвать долгожданную капель.
Я жду, как пёс, как Хатико, у двери,
Что ты придёшь, ответишь наконец;
Назло врагам, из принципа, за веру
Заполучу страдальческий венец
Твоей любви... К кому? Кого ты любишь?
Кого угодно, только не меня
И, сам того не зная, обязуешь
Пускать галопом сердце, как коня.

От рассвета до заката...

От рассвета до заката
Пашет лошадь в мрачном поле,
И ни конь, ни жеребята
Не зовут обратно в стойло
Эту лошадь: слишком пусто
В самодельной колыбели
Долгожданного покоя,
Лишь скрипят на шее петли
Конской сбруи – слишком туго.
Вроде то, а вроде не это,
И печалит почему-то
То, что лошадь так хотела.

По кому плачет Русь?

Мне однажды привиделось ночью:
Я у стен монастырских стою,
И священники странный молебен
Перед образом тихо поют
И как будто бы спорят о чём-то,
Слишком страстно желают свести
Незабытые старые счёты,
Всё не могут друг друга простить.
Вот монах вдруг один обернулся
И мне прямо в глаза посмотрел,
Только воздух едва шевельнулся
Над огнём полусальных свечей.
– Подойди, – попросил тихо старец. –
Я наш спор разрешить не берусь.
Ты для наших конфликтов чужая,
Так скажи, по кому плачет Русь?
Этот вечный вопрос без ответа
Остаётся уж слишком давно,
Мы решаем не первое лето
И не можем решить всё равно.
Помоги нам, случайный прохожий,
Человечества тайну раскрой,
И тогда день особо погожий

Тьму загадок закроешь собой.

Лишь сказал он последнее слово,
Вдруг блеснула на небе змея,
И среди темной ночи глубокой
Я, похоже, осталась одна.
Шутка ли, дать ответ на вопросы,
На которые даже мудрец
Только чешет затылок и просит
Дать ему пару дней наконец?
Но мне нечего делать, и буду
Я ходить по земле до тех пор,
Пока главный ответ не добуду,
Не решу затянувшийся спор.
Вдалеке вырастает дубрава,
И среди многолетних стволов
Потихоньку рождается слава
Наших предков – священных отцов.
Отдыхает старушка-сторожка
На окраине тёмных лесов,
Что от жизни устали немножко
В ожидании сказочных снов,
На пороге мерещится Сергей,
Он не старец, но и не юнец,
Лишь звенят под одеждой вериги,
Сотни грубых, тяжёлых колец.

Он меня среди деревьев увидел,
И улыбка коснулась лица,
Словно солнце в весенней капели,
Превратила душою в юнца.
Я к нему подошла осторожно:
Он стоял предо мной, как живой,
Как в преданиях есть, преподобный,
Светлый образ, воссозданный мной.
– Здравствуй, Сергей, игумен великий,
Будь так добр, ответь на вопрос,
Что лишил нас покоя и силы,
И для нас оказался непрост.
Два монаха давно уже спорят,
Разъедает их светлая грусть,
И не могут решить, по кому же,
По кому плачет матушка-Русь.
Может быть, по тебе, о святейший?
Может, твой скоропостижный уход
Есть порок и недуг её злейший,
Ты и есть для нее антидот?

Ничего не ответил мне Сергей,
Только грустно головой покачал,
Опуская на землю вериги,
И лишь тихо так, робко сказал:
– Не по мне плачет родина наша,

Я тебе это точно скажу;
По крестьянам, что мёртвыми пахут,
Может быть, плачет матушка-Русь.
А по мне-то что плакать, скажите?
Пока жив буду в ваших сердцах,
Будет жить и великая сила,
Заключённая в вечных трудах.
Говоришь, я ушёл, а напрасно:
Никогда я и не уходил,
До сих пор ведь стоят мои храмы,
До сих пор ведь стоит монастырь.
Говоришь, что страна по мне плачет,
А когда я её покидал?
Поясни, что для вас теперь значит
Эта фраза: «Я Русь повидал,
И могу сказать точно и верно,
По тебе плачет милая Русь.
Чтоб её от страданий избавить,
Мы молитвы твердим наизусть».
Нет, не плачет по мертвым Россия,
Нету мертвых на русской земле:
Все ушедшие в дым обратились,
Потерялись в народной судьбе.

Так ответил мне с горечью Сергей.
Набежал на поляну туман,

И стоял ли ты здесь, преподобный,
Я не знаю теперь: всё обман!
Говорю тебе, старец, спасибо:
Ты решил затянувшийся спор,
Ты и сам не заметил, как снова
Ты возвел горькой правды собор.
Два монаха, как вы не решили
Свой простой, но извечный вопрос?
Может быть, ваше сердце в сомнениях,
Или слухами сверху оброс
Вариант изначальный и верный,
Тот, что знали всегда наизусть?
Ну так что, друг мой милый, любезный,
Мне сказать, по кому плачет Русь?..

Физика любви

Объясните мне, люди, всю физику нашей любви,
Что в наших сердцах спустя годы ещё происходит.
Ведь разве не должен был лёд побледневшей крови
Собой заковать всю поверхность остывнувшей плоти?
Объясните мне, люди, всю физику нашей любви
От первых секунд до последнего самого вдоха.
Зачем вспоминает сейчас мой родной визави,
Что в жизни хорошего было и было плохого?
Он хмуро молчит, и огонь пляшет в ласковом сердце,
Словно пламя свечи, встрепенулась родная душа.
Мы с тобой не они, мы с тобою для них иноверцы
И не стоим для них даже полупустого гроша.
Сердце ждёт, но кого? Наши души слились воедино,
И насколько был правильным выбор один на всю жизнь,
Мы с тобою судить можем только по гибкости линий,
Что на наших ладонях являются знаком судьбы.
Объясни, человек, как у сердца устроена память,
Почему я его до сих пор не могу позабыть.
Неужель это всё только злая душевная зависть,
Ненасытного сердца такая слепая корысть?
Объясни, почему только с ним мне бывает спокойно
И лишь он пробуждает от спячки потухший вулкан
Обжигающих чувств, чьё дыхание плавно и ровно,

Чьё дыхание – дыма седой караван.

Говорят, сердце зорко – любовь, как старуха, слепа.

Иронично, не правда ли, друг, существующий вечно?

Меня всё ещё манит и манит куда-то тропа,

И влюблённость течёт по ослабшим от времени венам.

Объясните мне, люди, всю физику нашей любви,

И контраст наших чувств для наглядности нам покажите,

Чтобы мы знали цену заплаченной нами крови,

Ту, которую вы так бессовестно выпить хотите.

Объясните мне, люди, всю физику нашей любви,

Что такого в её механизме неправильном, вечном

Заставляет сказать: «Ну, мой друг, c'est la vie»

И толкает к обрыву изголодавшейся бездны.

Владимир Мономах

Когда-то ведьм сжигали на кострах,
Когда-то море в поле бушевало,
И в русских землях после Ярослава
Когда-то жил Владимир Мономах.
Что сделал он для родины великой?
Он сделал то, чего никто не смог:
Он погасил огонь извечных склок,
Глаза увидел смерти многоликой
И между братьями убийства прекратил,
По крайней мере, так гласит легенда,
Так говорит духовная победа,
Скорбя над сводами притихнувших могил.
Благодаря ему на Русь пришла попозже
Раздробленность в сердцах и в головах,
И уступил Владимир Мономах
Двоюродному брату своё ложе
В престольном Киеве, себе забрав Чернигов.
Его душа нашла бы свой покой,
Если б не ссор извечных демон злой,
Если бы не было всех этих страшных криков.
Что было дальше? Грамота молчит,
И летопись стыдливо прячет очи;
Собой закрыли угольные ночи

Надгробия печальный монолит,
И колокол под небом отбивает
Малиновый изящный перезвон,
Пока в стране опять пустует трон,
Пока царя народы провожают
В последний путь. Останется в сердцах
Ещё надолго князя поучение
Своим потомкам: это наставление
Писал ещё Владимир Мономах.

Кто?

И кто же оборвал все эти листья,
Скажи мне, друг, ведь ты так любишь зиму.
Катки из улиц, из проспектов, из мостов,
Кто сделал вдруг, любители снегов?
Когда иду, жестоко вязнут ноги
В зимы почти растаявших чертогах,
И эта соль, застрявшая в подошве,
Как будто соль в зимы суровом слове.
Слонами белыми представились снега,
Они для нас как будто облака,
Что к нам с небес на землю вдруг сошли
И снежные метели принесли.
Кто воет так печально, одиноко,
Стучится громко в запертые окна
И поднимается, как лошадь, на дыбы,
Скажите мне, поклонники зимы.

Трамвай

Бегут по улицам дождливые потоки,
На мрачной кухне снова стынет чай.

У моего забытого порога

Звенит-звенит,

Гремит-гремит

Трамвай.

И я бегу куда-то, от кого-то,

Забыв на кухне свой остывший чай.

Меня уносят бурные потоки,

И всё звенит,

И всё гремит

Трамвай.

Укрой меня от гибнущего мира,

На растерзание деньгам не отдавай,

От испарений едкого эфира

Спаси меня, трясущийся трамвай.

Меня преследуют шпионы и убийцы

И отравляют мой остывший чай,

И лишь в ушах, под сводом роговицы

Звенит-звенит,

Гремит-гремит

Трамвай.

Зависимость

В этом мире есть много зависимостей:

Алкоголь, сигареты, любовь,

И вот именно за последнюю

Я теперь отдаю свою кровь.

Вы мне скажете «нет» – не поверю,

Потому что любовь всех сильнеей,

И табак, алкоголь и таблетки

Есть ничто по сравнению с ней.

Она яд скорпионий вот здесь вот

(Я у сердца ладошку держу).

Что любовь лишь награда – не верьте,

Я обратное вам докажу.

Без любимого жить мы не можем,

Как бы холоден ни был он к нам,

Наше сердце уныние гложет,

Но за ним мы идём по пятам

И не знаем, когда обернётся

Сердца робкого робкий кумир:

Из-за нас и земля ещё трётся,

Из-за нас ещё крутится мир.

Так давайте же вместе поднимем

За зависимость эту бокал,

Испокон ведь веков правит миром

Этой страсти горячий накал
С прикорнувшей любовью на пару:
Только ими живёт ещё свет,
Отводя неизбежную кару
На ближайшую тысячу лет.

Апофеоз сна

Молчала комната во тьме:
Часы не тикали средь ночи,
Луна смотрела в тишине
С небес на землю. Её очи,
Такие белые, за мной
Сквозь шторы слепо наблюдали,
И ветер с редкой бородой
Бродил неслышно меж домами.
Постель, уютное тепло
И стук дождя по скатным крышам –
Вот что бы точно помогло
Заснуть мне, только еле слышно
Шуршат деревья за окном
И облака бегут по небу,
Лишь кто-то бродит между сном
И явью, не ступив на землю.
О, что за демон надо мной
Кружит с блестящими глазами?
Его угрозы, шёпот злой
С бессильной ярости слезами
В зрачках светящихся зажгли
Безмолвный страх пред неизвестным
И погасили, где могли,

В моём рассудке жар небесный.
Что за чудовища стоят
Вокруг меня? Я снова плачу:
Там семь уродливых цыплят
Клюют безжизненную клячу,
Тут осьминоги в пиджаках
Хоронят мёртвого омара...
Меня вновь сковывает страх:
Здесь ходит шкура ягуара,
И правит балом Сатана,
Всё вопреки небесной воле,
Апофеозу злого сна
В свечи горящей ореоле.
Кто для меня ты, жуткий бес:
Прозрачный дух галлюцинаций,
Преступник, осквернивший крест,
Звезда под волнами оваций
Или действительный фантом,
Тот призрак из крови и плоти,
Что бродит где-то за углом
И холодит чужие кости?
Несвязный бред – большой террор.
Я сплю и вижу, как лисица
Со мной неспешный разговор
Ведёт во тьме, и чьи-то лица
Мелькают, словно хоровод,

Пока огромные лягушки
Горят в пучине тёмных вод
Под грохот выстреливших пушек.
Там демон, ночи господин,
Крыло в чернила опускает;
Навек оставшийся один,
Он мне нотации читает,
А мне смешно, и я смеюсь
Как в первый раз, но не в последний,
Всё потому, что не боюсь,
Что страхов, ужасов наследник
Мне свой жестокий приговор
Когда-то вынесет в надежде
Остановить мой гордый взор
На угасающей комете.
За что ты мучишь, Сатана?
Едва засну, в глазах мелькает
Мертвецки-бледная луна,
Надменным взглядом провожает
В просторы умершей страны,
Что есть в моём воображении;
Она уйдёт, как только сны
С зарёй рассеются в мгновение.
Молчала комната во тьме,
Рассвет над небом занимался,
И сердце билось, как в огне,

Пока мой разум унимался.

Дайте мне спички...

Дайте мне спички – сухие, желателью, -
Я подожгу свою душу во мгле,
Пусть вспыхнет она окровавленным пламенем
И потеряется в чёрной золе...
Я с болью спалю все листы чёрно-белые
И схороню этот пепел седой
Под спящим холмом, где душа моя смелая
Горит ярко-красным спокойным огнём.
Ты слышишь меня, ты, обитель небесная?
Я совсем скоро к тебе отойду,
Прозрачная, лёгкая и бестелесная,
Лишь догорят мои крылья в аду
И старая рукопись в клочья порвётся.
Я ей растоплю охладевший камин,
И сам Сатана в преисподней проснётся,
Чтоб книгу вернуть из горящих глубин.
Я словно Марго, что за Мастера пишет
Несправедливо забытый роман
И тщетно в густеющих сумерках ищет
Лукавого Дьявола страшный обман.
За что, Сатана, ты мне даришь мучения?
В какой я момент подписала контракт?
Вокруг головы голубое свечение

Теперь не легенда – пугающий факт.
Дайте мне спички – сухие, желательно, -
Пусть вспыхнет душа моя жарким огнём,
И в сердце кинжал, добротой окровавленный,
Вонзит Сатана одним сумрачным днём.

Пустошь

Там рос бурьян, там спали тополя,
Там белый пух горел в огне пожара,
И шелковая простынь ковыля
В себя вбирала запах летней гари.
Там дом стоял, не мёртвый, не живой,
Без стен и окон, без дверей, без крыши,
С навеки преклонённой головой,
С устами, что давно уже не дышат.
Там плакал дождь над скучным камышом,
Там каркала ворона вслед прохожим,
И всё стоял безликий серый дом,
Встревоженный, невзрачный, осторожный.
Там ночь спала, без звёзд и без луны,
Лишь облака бежали вереницей
В просторы неизведанной страны
И растворялись где-то за границей.
Там рос бурьян, там спали короли,
И отправлялись в зимние круизы
Кричащие на небо журавли,
Забыв свои природные капризы.

Сердце, встреченное мной

Я помню сердце, встреченное мной
Давным-давно на жизненной дороге.
Как будто предрешённая судьбой,
Мне эта встреча, тихой недотроге,
Глаза открыла на уставший мир:
В нём жили души серые, пустые,
У каждой был свой собственный кумир,
И зеркала разбитые, кривые
Их отражали жаркие сердца.
То сердце, что я встретила однажды,
Качало до победного конца
В бою уже не ждавшую пощады
Не кровь, а лаву. Учащённый пульс
Был признаком не слабости, не страха,
А гнева. Крови странный вкус
Во рту бывал не потому, что плаха
В почти смертельной близости прошла.
Я знаю это сердце, как родное,
И никогда забыть бы не смогла
Его биение печально молодое,
Но вот сжигаю молча спустя год
Страницы завершённого романа;
Так ночью облицовывает лёд

Проснувшиеся кратеры вулкана.
Я помню это сердце как пожар,
Вглубь айсберга насильно заключённый,
Как раненый кинжалом миокард,
Огнями жизни тускло освещённый,
Чьи стены – хладнокровные снега,
И бьётся сердце где-то в этом мире,
А где – не знаю. Снова облака,
Гонимые дыханием зефира,
Бегут по небу к дальним берегам,
Где, может быть, живёт ещё то сердце,
Что, потонув под грудой телеграмм,
Нуждается в надёжном управленце.

О повести временных лет

В бездушной келье под землёй
Монах, весь в траур облачённый,
Над разгоревшейся свечой
Держал пергамент, осквернённый
Чернильной ртутью, и во тьме
Его осунувшийся профиль,
Напомнив узника в тюрьме,
Что ночью дразнит Мефистофель,
В немом сиянии луны
От стен холодных отражался,
Отображая все те сны,
О коих он сказать боялся.

Вот первый сон: он вновь стоит
На ветхом ноевом ковчеге,
И белый голубь вдаль летит
В непрекращающемся беге,
А с ним святые сыновья,
Три на словах знакомых брата,
Что от широкого Днепра
До берегов реки Евфрата
Наш делят мир между собой,
И вот потомки Иафета

На север посланы судьбой
По воле Ветхого Завета.

Но просыпается монах,
И снова образ в чёрной ризе
Внушает неподдельный страх.
Подобно утреннему бризу
Его дыхание во мгле.
Безмолвен вечер, тихи звёзды;
Похоронённые в земле
Белеют старческие кости,
И инок сумраком объят,
Потерян в саже полуночной,
Где главный мученик распят
Под сводом кельи одиночной.

Вот сон второй: толпа людей
Стоит в округе Вавилона,
Не в ожидании царей,
Что вдруг сойдут с пустого трона,
Не перед битвой собрались,
Не в трепете благоговейном
Застыли сотни чьих-то лиц,
Не в клятве быть отчизне верным,
Нет – люди строят до небес
Огромный столп, ступень до Бога,

Но вместо этого злой бес
У христианского порога
И рвёт, и мечет: даже он
Подобной наглости не ровня.
В сердитом небе страшный гром
Ритм отбивает хладнокровно,
И наконец-то Саваоф
Смешал надменные народы,
Их разорвал цепочки слов
На непонятные аккорды.

И снова явь. Монах один.
Перо застыло над бумагой.
Средь неизведанных руин
Он бродит мыслью запоздалой,
И инок пишет, пока свеж
Неимоверный, иллюзорный
Сна фантастического след
И ум послушника покорный.

Вот третий сон: святой Андрей
Глядит на каменные горы,
И у подножия церквей
Звучат служебные миноры.
Он слышит чьи-то голоса,
Превозносящие столицу;

Его печальные глаза
Встречают раннюю зарницу,
Когда диск солнца над холмом
Встаёт особо величаво,
И разговор с учеником
Ведёт он честно, не лукавя:
«Ты видишь горные хребты?
Ты видишь маковые дали?
А что тут будет, знаешь ты?
Я так скажу: сердца из стали
Великий город возведут
Под взором Божией благодати
На этом месте, и их труд,
Достойный искренней награды,
Спустя века не пропадёт».
Сказал Андрей и крест поставил.
Так раскололся чёрствый лёд
Спустя года под грузом правил.

И снова инок одинок.
Он пишет летопись народа,
Перо строчит десятки строк,
Уже не летопись, а ода
Из-под его идёт пера.
Устал монах, чтецы устали,
Писать уставшая рука

Безмолвно молит о пощаде,
И было много этих снов,
И все мы знаем эту повесть
О походе врагов
На Русь святую. Наша совесть
Нам не позволит хоть на миг
Забуть истории любимца
И повести изящный лик,
Чей автор – Нестор Летописец.

Княгиня Ольга

Над Русью вставала немая заря –
Рассвет наступил только-только.
В тени, облачившись в одежды царя,
Стояла княгиня Ольга.
Лицо молодое мрачнее грозы:
В ней тихая ярость клокочет,
И лошадь, что слуги ведут под уздцы,
Встречаться с княгиней не хочет,
Но та непреклонна – ей ехать пора.
Три мести уже совершилось,
Осталась последняя, только одна.
«Ах, если бы всё получилось», -
Так молится Ольга, не зная кому:
Какому безликому богу?
А может быть, Игорю? Павшим в бою?
Назад не нашедшим дорогу?

Но ей неспроста снились бури и штормы,
И ей неспроста снились злые снега;
Ей снился холодный и шквалистый ветер,
Ей снилось сражѐнное войско врага...
Ей снилось солѐное Русское море,
И плыли стремглав из Руси корабли

Туда, где княгине про терпкое горе
На время забыть не друзья помогли.

Но это лишь будет. Над тихим Днепром
Стояла княгиня Ольга
В кольчуге железной, с булатным мечом,
И воздух предутренный, волглый
Дышал по-осеннему скромным теплом.
Летели кровавые листья
Над потемневшей, зеркальной водой,
Своё сознавая бессилье.
И так же бессилён был город древлян:
Горящая белая птица,
Что символом мира слыла у славян,
Сожгла их родную столицу,
И там теперь пусто, лишь пепел седой
Лежит в волосах у княгини
Да редко парит над прожжённой землёй
Орёл в ожидании битвы.

Но вот Ольге снова мерещится море,
Взаправду на этот раз, а не во сне,
За ним возвышаются синие горы
И так соблазнительно манят к себе,
Но мимо проходит надменный корабль
И дальше несётся в широкий простор,

А мудрая Ольга в раскрытые дали,
Вперёд направляет свой пристальный взор.

Крикливые чайки кружили над ней,
Уж виделся греческий город,
Таинственный сумрак церковных огней
Её проводил до порога,
И хор голосов, отражаясь от стен,
Её убаюкал в надежде,
Что Ольга покинет свой собственный плен,
Забудет про имя невежды.
Шептали молитвы при тусклых свечах,
И пах по-уютному ладан,
А Ольга держала в дрожащих руках
Евангелие от Иоанна.
Над Русью вставала немая заря –
Рассвет наступил только-только.
Стояла одна у ворот алтаря
Святая княгиня Ольга.

Молодой человек

По улице брёл молодой человек в пиджаке,
С сигарой во рту, с зонтом тёмно-серым подмышкой,
И белый туман, словно кофе в парном молоке,
Беззвучно кипел меж домов, как под бронзовой крышкой.
Ноябрь лениво стекал полумёртвым дождём
По стенам кирпичным, по вечно сухому бордюру,
И тот молодой человек с тёмно-серым зонтом
В волнении смутном поправил свою шевелюру,
Впуская в себя глубоко ядовитый туман
И клетку грудную сжигая отравленным дымом,
Но эта иллюзия, этот искусный обман
Пленяет не хуже незримых интриг анонима.
Стучит монотонную дробь за невытым окном
По крышам железным не дождь и не ливень, не грозы,
А тот молодой человек с тёмно-серым зонтом,
В чьём сердце цветут золотые осенние розы.
Порядком поношенный, старый невзрачный пиджак
Асфальт устилает, и стонут гниющие пальмы
В бурлящем потоке, их душит уродливый наг,
И прочь убегают сквозь небо спугнутые ламы.
Доводит до слёз города молодой человек,
А те ещё спят, рыдают во сне серым ливнем,
И вот наступает на свете особенный век,

Когда до людей снизошёл отчуждённый правитель
И землю украсил оранжевым пёстрым ковром,
И белый туман напустил из своей сигареты,
И старый пиджак расстелил меж замёрзших домов
Под плач навсегда уходящего юного лета.
По улице брёл молодой человек в пиджаке,
Но как его имя? Откуда и кто он, зачем он?
В молочном тумане, уснувшем в безмолвной реке,
Стоял молодой человек, притворившийся тенью...

«Здравствуй», – сказала лошадь...

«Здравствуй», – сказала лошадь.

«Здравствуй», – ответил я.

«Ты потерялся, сыночек?» -

Лошадь спросила меня.

Я ничего не ответил:

Мне нечего было сказать,

Ведь я был один на свете,

Не знал ни отца, ни мать.

«Кто ты?» – спросила лошадь.

«А ты кто?» – ответил я.

«Я та, что копытом площадь

Топчет день изо дня,

А ты – потерявшийся мальчик», -

Продолжила лошадь сама,

А я всё стоял и думал,

Счастлива ли она.

«Так что, подвезти до дома?» -

Лошадь спросила меня.

«Лучше до ипподрома», -

Голос дрожал, звеня,

И лошадь заметила это.

В ответ ничего не сказав,

Она понесла меня в лето,

Сквозь город бежала стремглав.
И мимо дома мелькали,
И площадь сменяла площадь,
И взглядом меня провожали,
Меня и бегущую лошадь.
Но вот мы остановились:
Промокший песок на манеже
Сквозь пальцы печально струился,
И конская сбруя прилежно
Висела на старой ограде.
Я, помню, тогда подумал,
Что нету желанней награды,
Чем помощь надёжного друга.
«До встречи», – сказала лошадь.
«До встречи», – ответил я
И, хмуясь, побрёл на площадь
Под струями злого дождя.

Мы не гении

Друзья мои, верные спутники жизни,
Пробьёт ли для вас исключительный час,
Когда прекратятся кислотные ливни,
Когда замолчит устрашающий глас
Графитной грозы над притихнувшим полем?
Дождётесь ли вы замечательных дней,
Когда перестанут под губительным зноем
Рождаться десятки голодых огней
И в ярости дикой сжигать мириады
Деревьев, избавившихся от оков,
Когда вы свои золотые награды
Забудете ради гряды облаков,
Бегущих по чистому, светлому небу,
На акварельную моря лазурь
Вы променяете славу и деньги
И насладитесь безмолвием бурь?
Но нет, не настанет тот час долгожданный,
Ему не бывать в старой ленте времён,
Его не узнает листок календарный,
И нету его в длинном списке имён.
Для нас не утихнут шторма голубые,
И не улягутся бури для нас,
Не сдвинутся прочь облака кучевые –

Для нас не пробыёт исключительный час.
Друзья, мы не гении, нас не признает
Природа строптивая за королей,
Но, к сожалению, часто бывает,
Что мать не поднимет руки на детей.
Её доброту не считайте за право
В довольствии жить до скончания лет,
Её защищать от жестокой расправы
Мы дали себе непреложный обет...

Нервы

Как по струнам, по нервам проходит смычок,
И коробит меня, словно я эпилепсией
Уже болен давно, словно я идиот,
О котором писал господин Достоевский.
За окном дышит осень опавшей листвою,
Морозящим дождём и лекарством от судорог;
Я бреду по болотам с больной головой
Среди бедных людей и бледнеющих сумерек,
И железные нервы расшатаны в хлам –
Переплавить в достойную вещь не получится,
Разве только в искусство, где мёртвый Адам
Проповедует веру прохожим на улице.
Вот и Ева стоит; тихо шепчет змея
Ей на ухо свои взгляды мировоззрения.
Почему-то их вижу один только я,
Хотя это не сон и не воображение.
Мою голову скоро отрубит палач;
Помутился рассудок не от кокаина,
Не от морфия, что мне прописывал врач,
А от переизбытка в душе «гореина».
Этот странный наркотик изводит меня,
Выделяется нервами напрочь убитыми,
Заставляет сгорать в жарких путях огня

И обвязывать руки багровыми нитями.
Голос скрипки звучит в моих мёртвых ушах,
Словно дождь, усыпляет колючую бдительность,
Поднимает с глубин подсознательный страх,
Задвигает назад беспокойную мнительность.
Как по струнам, по нервам проходит смычок,
И коробит меня, как от резкого скрежета
Ржавой вилки по полному трещин стеклу,
Вызывающего приступ нового трепета.

Лондон

Над Темзой спит забытый мрачный Лондон...
Тебя ли не хватало мне теперь?
В тот миг, когда мой ум сомнений полон,
Когда кричит душа: «Ему не верь!»
О, этот смог, он в душу проникает,
Сжигает всё до тла... Ты сам не свой,
И я теперь не я; вдали светает;
За Темзу ходит месяц молодой,
Теряется в тумане над столицей.
Течёт сквозь дымку мёртвая река,
Безмолвный крик, произнесённый птицей,
И терпковатый запах табака
Сливаются над Лондоном в потоке
Тех двух начал без края и конца,
Что посвящают жизнь извечной склоке,
Пытаясь спрятать палец без кольца.
Моя печаль укрылась палантином,
И дремлет гнев под слабостью манер,
Вот только ум не знает властелинов;
Мне вновь читает проповедь Гомер,
А я не слушаю, забывшись среди улиц
И потерявшись среди каменных домов,
Чьи окна смотрят взглядом чёрных куриц

На силуэты разводных мостов,
Не Питер ли меня сейчас встречает?
Нет, это Лондон, мрачный и сырой,
Дымит туманом, ливнем провожает
Девчушку с непокрытой головой.
Над Темзой спит забытый мною Лондон...
Он как мертвец, как серое кино,
Как неприступный принц, как старый ворон,
Как чёрно-белые костяшки домино.

Город, утопающий в зелени

Мне опять снится он –
Мой заезженный сон,
Этот город, застрявший во времени,
Город умерших душ,
Город ливней и луж,
Город, утопающий в зелени.
Переулки молчат,
Только тихо ворчат
Робким шелестом лип и берёзок,
Когда где-то вдали
В тишине до зари
Шевельнётся седой перекрёсток.
Не достроен проспект,
И заброшен проект;
Я брожу по пустынным аллеям
И пытаюсь понять,
Что мне надо менять,
Чтоб придаться другим сновидениям.
Этот город пустой
Не играет со мной,
От меня не скрывает секреты,
Но и мне не даёт
Уходить, наперёд

Зная все мои варианты ответов,
И слоняюсь одна
Среди странного сна –
Ни души и ни звука, ни шороха, -
Пока город, звеня,
Заставляет меня
Разрываться, как будто от пороха.

Ханахаки

Пол покрыт голубыми цветами,
Я лежу в неродимой постели;
Все бутоны добыты трудами
Моей неизлечимой болезни.
Лепестки снова смешаны с кровью,
Голубой контрастирует с красным,
Не даёт мне вздохнуть полной грудью
Дикий кашель, что мне неподвластен,
И ни вдоха не сделать, ни стона
С лепестками на сердце горячем,
Потому что не знают урона
Мои чувства в огне не щадящем.
Я мечусь, как в бреду, в лихорадке:
Нет лекарства от этой болезни,
Бьётся сердце, как будто в припадке,
Извергая на простынь постели
Целый ворох свежайших бутонов –
Я могла бы работать флористкой,
Если б не было всех этих стонов,
Если б я не была мазохистской.
Распускаются вновь в грудной клетке,
Разрывая трахею на части,
Васильки на завянувшей ветке,

Что когда-то была в моей власти.
Для меня есть одно утешение:
Мои муки в цветах не напрасны,
Хотя это моё «нелечение»
Может быть даже очень опасным,
Но ведь я говорила, что нету,
Нет лекарства, и стонут во мраке
Лепестки бирюзового цвета
И святая болезнь ханахаки.

Мои похороны

Плач разносится во все стороны –
Это в церкви идут мои похороны,
Это в церкви меня отпевают
И талант мой землёй засыпают.
Было страшно ли мне? Нет, ни чуточку:
Я попалась в капкан, не на удочку,
И уже сожалеть будет поздно
И, мне кажется, несерьёзно.
На столе стоит гроб с белой скатертью;
Тихо шепчется поп с моей матерью,
Слёзы льют надо мной, разрываются,
А я как за стеной, называется.
Над могилой кричат, но не вороны –
Это в церкви идут мои похороны.
Я случайно вздохнула: мне кажется,
Что услышат сейчас, испугаются,
Но не слышит никто ни органа,
Ни молитв и ни вздохов – нирвана...
Для меня специально из классики
Исполняют этюд, как на празднике,
И я с радостью пью ту нирвану,
Исцелившую старую рану.
А вокруг всё толпа; время тянется,

Моя жизнь всё никак не кончается,
И я слушаю хор, лёжа в гробике
С диадемой на розовом лобике.
Не расходятся люди... За что же
Эти адские муки мне, Боже?
Я хочу получить в райской школе
Аттестат о неслыханной воле,
Доброте, что не видели в свете,
О вопросе и сразу ответе,
Я хочу, чтобы все эти люди
Были счастливы в райском приюте.
Подошёл ко мне снова священник:
В его пальцах изящный подсвечник;
Не подсвечник – святое кадило
Моё тело дымком опалило...
Что же, старец, спасибо за слово,
Что спасёт от падения любого,
Я тебя на том свете припомню
Добрый именем, верный паломник.
Наконец-то в могилу спускают,
Через пару минут закопают...
Не кричите, не плачьте, вы, вороны –
Это в церкви идут мои похороны...

Пшеничные волосы

Снова всходит луна, предвечерние полосы
Освещают надеждой пшеничные волосы,
Что струятся в руках, словно жидкое золото,
Словно мёд, наконец-то застывший от холода.
Я люблю эти волосы цвета пшеницы,
Что качаются в поле под щебет синицы,
Что хранят чёрно-белое дерево, трепет,
Когда думают, что их никто не заметит.
Они лентой песчаной вдоль берега выются,
Как змея, с пересохшей пустыней сольются,
И не шелест волны мне мерещится снова –
Это волосы шепчут подобия слова.
Я смотрю и не вижу пшеничные пряди,
Потому что они развеваются сзади,
Потому что они, словно ангел-хранитель,
Раскрывают свои обнажённые крылья.
Я их ласковый шёлк пропускаю сквозь пальцы;
Заплетаются волосы в собственном танце,
И тугая копна распадается ворохом
Между тихой землёй и расплавленным воздухом.
Расцветают в воде белобрысые лотосы,
Расцветают надеждой пшеничные волосы,
И качаются в поле немые колосья

Вокруг собственной тонкой невидимой оси

Одиночество

Я в одиночестве прошла
Тропинок столько, сколько зла
На всей земле, наверно, нет,
В попытках тщетных дать ответ,
И вот я здесь. Родной привал,
Очередной, как будто знал,
Что мне придётся вместе с ним
Под небом спать в соседстве нимф.
То было поле. Рожь, звеня,
Вокруг весёлого огня
Качалась, образ золотой;
Ворчливый ворон молодой
Под небом каркал; ручеёк
Сам по себе куда-то тёк,
И саранчи приятный треск
Мне заменял озёрный плеск.
Полёвки бегали по мне,
Не замечая в темноте
Меж телом дышащим, живым,
И камнем мёртвым, ледяным
Границы, словно есть душа
Почти у каждого гроша,
И нет различий между мной

И развалившейся стеной.
Еле заметный Водолей
Сиял над злаками полей,
И я чертила Южный Крест,
Обозная, сколько мест
В себе хранят старинный клад.
Их свет, казалось, свет лампад,
Что в мёртвой церкви на холме
Сияют в отчуждённой тьме.
Смеялись звёзды; светлячки,
Как озорные огоньки,
Высокий колос облепив,
Меня на время ослепив,
Мерцали среди жёлтой ржи;
Неуловимые стрижи,
Как стрелы, жители нивы,
Цепляли струны тетивы.
Вот одиночество моё:
Неподводившее чутьё
И запах ветра в волосах,
Не покидавший даже в снах
Меня, как будто он мой друг,
Хотя друзей весёлый круг
Меня покинул бы давно...
Но мне, по правде, всё равно.

Сосны в тумане

Я стою на горе, как на мачте моряк:
Пляшут волны в седом океане,
А на том берегу, где мигает маяк,
Спят волшебные сосны в тумане.
Удивительно тихо в наземном раю:
Слышен храп облаков где-то в небе.
Это воины, павшие в храбром бою –
Мы за это пред ними в ответе.
Великаны-холмы как-то грустно молчат:
Поболтать им особо и не с кем,
Только в серой дали заунывно кричат
Журавли, ограждённые всплеском,
И плаксивая осень стучится в окно,
Пишет мне неуместные письма,
Не надеясь, что снова поэта Пьеро
Посетит запоздалая рифма.
Я стою на горе, как невидимый крест
Старой церкви на мёртвом кургане,
И почти подо мной, словно стайка невест,
Спят волшебные сосны в тумане.
Их фата на заре распадётся росой,
Их кольцо обручальное лопнет,
Обернувшись забытой на небе звездой.

Полумесяц за озером тонет,
Шум дождя не тревожит застывший пейзаж –
Он закончил рыдать над портретом, -
И печально стучит по камням экипаж,
Что вернётся лишь будущим летом.
Эти чудные запахи прелой листвы
После ливня среди сизой хвои
Меня сводят с ума, ранят старые швы
И ломают родные устои.
Я стою на горе, подо мной – зеркала;
Паруса говорят в океане,
А на том берегу, где застыла смола,
Спят волшебные сосны в тумане.

Умение мечтать

Как хорошо уметь мечтать!
Под небом призрачные замки
Помогут мне не заскучать
И не загонят снова в рамки.
Я мыслью создаю миры
И в них живу, не зная горе,
Где так красив полёт искры
И фантастическое море.
Ты знаешь, друг, уметь мечтать
Не так уж просто, но не сложно,
Как в жизнь свою людей пускать
Бывает больно – всё же можно...
Я говорю опять с тобой,
О чём, конечно, ты не знаешь,
И вот ныряю с головой
В тот мир, где голову теряешь:
Фантазий мой прекрасный мир
И полупризрачных иллюзий
Всегда со мной, всегда кумир
И фаворит среди дискуссий.
Как хорошо уметь мечтать!
Мне нет нужды в простой беседе,
Друзей не надо в гости звать,

Считать минуты на обеде
И постоянно думать, чем
Стереть неловкое молчание,
Перебирая массу тем
И изучая подсознание.
Другое дело – мой ликёр,
Который пью и не пьянею,
Всё потому что создаю
Сама свой мир, свою идею.
Как хорошо уметь мечтать...
Всегда открытые просторы
Не перестанут удивлять,
И в голове все разговоры.

Сёла

Сиплый ветер над сёлами веет,
И качаются ивы во мгле.
Солнце красное скупо радеет
О моей непрощённой земле,
И стоят одинокие сёла
Между гор, достающих до звёзд,
Меж холмов, что Россия простёрла
На великие тысячи вёрст.
В деревнях, позабытых в столице,
На линейке десяток людей
Поёт гимны двуглавой орлице,
Коронованной тройкой огней,
Каких сёлам отсюда не видно.
Прочь течёт пожилая Москва
Вниз, к Оке, где не пьянствует Волга,
Не смеётся надменно Нева.
Так и время течёт незаметно.
На рассвете озёра молчат,
И в ночи среди них неприметно
Одинокие сёла стоят.

Белое

Белые лилии белыми чашами
Качались на белой хрустальной воде,
И белые цапли белёсыми пятнами
На дне отражались, не веря звезде,
Что белой кометой сошла с небосвода
Такого же белого, как и бутон
Цветка полубелого, символа рода,
Который украсил белеющий склон.
И всё было белое: белые горы
С белеющим снегом, седой горизонт
И облаков почти белые своры,
Которых прогнал за белеющий фронт
Волшебник седой с бородой полубелой.
Расцвёл над просторами белый восход,
И белые аисты с искренней верой
Летят на юга продолжать белый род.
Белые птицы огромными стаями
Кружятся, кружятся над пеной морской,
И белые чайки кричат между скалами,
В круиз провожая корабль большой,
И белые-белые хрупкие лошади
Бегут по воде, разрезая поток,
Как разрезает столичные площади

Слетевший откуда-то белый платок.
Белые горы стоят великанами
На тонкой границе земли и небес,
И сразу под ними изрезан каналами
Белеющий снегом расстроенный лес.
Вот белые цапли над озером белым
Опять водят свой расписной хоровод,
А белые лебеди взором несмелым
Сканируют волны незыблемых вод.
По белой бумаге перо полубелое
Чернилами белыми пишет стихи,
И рядом вино стоит белое, светлое,
Возносит меня на седые верхи.
Всё белого цвета, чистого цвета,
Оттенков других у меня больше нет,
И не просите прямого ответа
На вопрос, чем так любим белый цвет.

Желания

Желания живут среди людей,
Но многие не знают важных дней,
Когда их вдруг в реальность превратят
И давние мечты осуществят.
«Спасибо» тем скажите, кто в мечты
Вложил свои немалые труды,
И тех благодарите, кто всё ж смог
Преодолеть свой внутренний порог.
Благодарите тех, кто джин и маг,
Кто знает толк в осуществлении благ,
И тем «спасибо» говорите, кто сумел
Избавиться от многих своих дел,
Земных, небесных – это всё равно,
Как на полу разлитое вино,
Или крови бордовый тёмный след,
Которому уже за десять лет,
Или узор персидского ковра,
Чья навсегда давно ушла пора,
Это неважно. Важно – не стоять,
Как лета соловей судьбы не ждать,
Идти к мечте сквозь бурю и метель,
В которой есть уютная постель,
Дом, хлеб, знакомое тепло,

Что от пурги не раз тебя спасло,
Наш знаменитый непрощённый флот
И государю преданный народ...
Всё есть мечта. Правители, вожди,
Пока им в спину плакали дожди,
Ползли к мечте по сантиметру в час,
Зато мы знаем тех, кто среди нас
Когда-то был, и смотрят с вышины
Они сейчас, и звон той тишины,
Что называется обманчивый триумф,
Сулит им всем грядой чужих безумств.

Деревья, скажите мне, что вы видели...

Деревья, скажите мне, что вы видели,
В каких побывали краях?
Сражений жестоких невольные зрители,
Стоите в солёных слезах.
Я их не сотру – не хватило бы времени,
Мне жизни не хватит моей,
Чтоб члены зелёного, вечного племени
Дождались достойных вождей.
Деревья, скажите мне, что вы слышали,
Какой необычный напев?
Планеты суровые, древние жители,
Не злитесь на нас, оробев,
А зря – возмутитесь уже наконец-то,
Я вас поддержу... Вы молчите опять,
И снова проходит дождливое лето,
И снова проклятие, какое не снять...
Деревья, скажите мне, что за мысли
Вас вдруг посещают зимой?
Я вас умоляю, со мной поделитесь,
Иначе я стану жестокой и злой...
Деревья, не верьте мне, я ведь не знаю

Эмоций таких, как жестокость и злость,
Храните секреты и не говорите,
Что вас посещает таинственный гость.

Территория белых ночей

Никогда я не видела слово «любовь»,
Взгляд тоскливых, безмолвных очей,
И поэтому будет встречать меня вновь
Территория белых ночей.
Плачет небо, и в нём тихий гром, словно стон;
Храпит лошадью Белое море.
Непреклонно меня тянет медленный сон,
Заставляя забыть своё горе.
Город северный, мёртвый у берега спит,
Плеск волны убаюкал столицу,
Не разбудит, увы, холод треснувших плит
На заре замолчавшую птицу.
Кто построил тебя, город странный, немой,
Так нелепо возвысил над морем,
Чтобы ветер гулял над голодной страной,
Продувая дома своим воем?
Край пустынный, убитый штормами давно,
Над пучиной бездонной качался,
И уныло закрылось под небом окно,
Где уже поздний вечер смеркался.
Отчего-то светло. Мне не спится опять,
Взгляд мерещится грустных очей,
И готовится с новым рассветом встречать

Территория белых ночей.

Шут

В театре кукол жил весёлый шут.
Он публику смешил, шутя, кривляясь,
И он прослыл среди них как страшный плут,
Немало, впрочем, тем не удивляясь.
Шут грех имел – скупое воровство.
Как хитрый лис, он сладко улыбался
И кражу выдавал за озорство,
За что, по правде, редко извинялся.
Чертовски был красив король забав,
Немой сатиры и карикатуры:
Курчавый рыжий волос с глаз убрав,
Писал портрет он с собственной натуры.
Зрачков зелёных изумрудный свет
Мерцал лукаво в сумраке гримёрки,
Скрывая в глубине чужой секрет
Среди рядов невидимой галёрки.
Шут зло смеялся с публики своей,
Зеркал систему обращая к залу,
А зрители кричали: «Знай, злодей,
Как исказить нас через призму правды!»
И шут смеялся чисто, от души,
Как будто зритель – он, они – актёры,
Но делать вывод, друг мой, не спеши:

Побойся кары разъярённой своры.
В театре кукол жил весёлый шут.
Он зал смешил их спрятанным уродством,
Которое без страха находил
За маской лжи и каменным упорством.

Восточный ветер

Восточный ветер, ветер перемен,
Куда ты мчишься, парус надувая?
В какую даль, поднявшийся с колен,
Ты прочь несёшься, голос надрывая?
Восточный ветер, каторжник небес,
Мятежный дух, не знающий смирения,
Тебя ли гонит прочь по небу бес,
Иль ты гоняешь ангелов отмщения?
Ты пастухом торопишь облака
По небосводу сладко-голубому,
И что тебе твердит Святой Лука,
Ты щедро отдаёшь слепому грому.
В одеждах белоснежных, словно жрец,
Ты шар обводишь, но не вокруг пальца;
На голове завянувший венец
В потоках ветра может лишь играть
С воздушной ватой. Ветер перемен,
Что Прометеем против всех поднялся,
Разрушил навсегда свой страшный плен,
Как только вдалеке рассвет занялся.
О ветер, ты свободой окрылён
И ею окончательно отравлен,
Притворно-сладкой славой опьянён

И правдой горькой, как кинжалом, ранен.

Снотворец

Кто бродит ночью по крышам домов?
Чьи глазки так тускло мерцают?
Забытые миром хранители снов
Безропотно с нами играют.
И есть среди них мой знакомый один.
Я вижу его очень часто
На улицах тёмных под диском луны,
Как будто он сшит из контраста.
Перо лебединое светлым пятном
На фоне вельветовой ночи
Белеет, и сразу всё сковано сном,
И сразу закрыты все очи.
Чернила кровавые он наберёт,
Застынет рука над бумагой,
И кончик пера он на губы кладёт,
За мной наблюдая украдкой.
И я наблюдаю за ним не стыдясь
Сквозь плотно закрытые шторы –
Открыто ему показаться боясь,
Прошу хоть немножечко форы.
«Бессонница? – это он задал вопрос. –
Помочь могу с этим явлением».
Но я не хочу нарушать симбиоз,

Любуясь своим наваждением.

«Снотворец, – ответила всё-таки я, -

Ты сны создаёшь другим людям,

А спишь ли ты сам, когда злая судья

Перечит рассерженным судьям?»

Снотворец молчит, только кончик пера

Щекочет застывшие губы,

И так сидеть будет со мной до утра,

Пока предрассветные трубы

Не огласят голубой небосвод

Фанфарой застенчивой Эос.

Передо мной открывается грот;

Снотворец разрушенный эпос

Пером оживляет. Сон веки сковал;

Расплылся измученный образ,

И вот принимает ночной карнавал

Обратно завянувший лотос.

Девушка с образом ангела

Милая девушка с образом ангела,
Кто ты? Я видел тебя только раз:
Однажды в метро ты сидела и плакала,
И слёзы катились из сомкнутых глаз.
И больше тебя я ни разу не видел,
Я даже забыл про тебя на момент,
И только потом как-то вдруг я заметил,
Что память воздвигла тебе монумент.
Твой образ далёкий вдруг вспыхнул так ярко:
Он нарисован был карандашом
В моём подсознании, ровно и гладко,
Как будто хранился всегда за стеклом.
О, кто ты, скажи мне, невидимый ангел?
Зачем ты ко мне с небосвода сошла?
Мне ночью мерещился ангельский факел,
И перед ним расступалась вся мгла,
И чёрные сны плыли прочь без оглядки.
Спасибо тебе, незнакомый герой,
С которым я в детстве играл в догонялки,
Но так и не встретил твой образ живой.

Я помню этот разговор...

Я помню этот разговор –
Он навсегда во мне остался,
И смутной памяти узор
Набатов в мыслях раздавался.
Я помню всё до мелочей:
Твою одежду, тон, манеры,
Что до последних самых дней
Не знали слабость от холеры.
Когда в больнице ты лежал,
От всех закрытый одеялом,
Твой мозг упорно рисовал
Меня, сидящей за органом.
Вот церковь. Ты внутри один –
Тогда не вышли прихожане –
Среди невиданных картин,
Когда-то купленных в Милане.
Пел хор, специально для тебя;
Гудел орган кантаты Баха,
А ты смотрел лишь на меня –
Хотел учуять нотки страха.
Затихла церковь; смолк хорал,
Клавиатура притупилась,
И ты взошёл на пьедестал,

Чтоб я нигде не оступилась.
Венок терновый, лоб Христа
Коронай страшной обрамляя,
Явился мне спустя года,
О дне том вновь напоминая.
И вот в палате ты лежишь,
Внезапно скошенный холерой,
Так укоризненно молчишь,
Кормя меня одной лишь верой.
Я помню этот разговор –
Он навсегда во мне остался,
И твой плывущий блёклый взор,
И смерть Христа, и как он спасся...

Маяк и клевер

На острове жил одинокий маяк,
До невозможного грустный.
Ни потерявшийся в море моряк,
Ни шторм сумасшедший, безумный,
Его не тревожат, и гордо живёт
Маяк среди водной пустыни,
Но в сердце надежда к простору зовёт,
Угасло и чувство гордыни.
На необитаемом острове жил
Никем не замеченный клевер.
Над гладью бездонной в забвении выл
Под небом забывшийся ветер,
И океан, бурь и штормов отец,
Своими седыми волнами
Вязал золотое руно из колец
Барашков морских. Облаками
Укрытое небо задумчиво спит,
И дремлет маяк полусонный.
Как сердце, внутри, рассыхаясь, скрипит
Окно. Вёсел всплеск монотонный
Мерещится клеверу, тоже во сне.
Он вздрогнул, надеждой разбужен,
Но только мерцает на каменном дне

Таинственный сумрак жемчужин.

– Ты слышишь? – спросил он у моря в тиши –

В ответ напускное молчание. –

Надежда, от нас улетать не спеши:

Не понаслышке отчаяние

Я знаю. Мой друг, хоть не видит меня –

Ему незнаком белый клевер –

Я чую тепло дорогого огня,

Он прочь прогоняет злой ветер.

Вот так и живут мой цветок и маяк

То вместе, то порознь. Время

Обходит тот остров, где сгинул моряк

И паруса храброе племя.

То, что я слушаю, вам не понравится...

То, что я слушаю, вам не понравится.
Взрослые с нас, детей, умиляются,
Пока в глубине где-то монстр нещадно ревёт.
Мысли у нас, словно вольные птицы:
Куда улетят, вам не скажут и жрицы,
И наши умы – это только свободный полёт.

Детка, прости, вечеринка для взрослых,
Но их испугает не вид полуголых,
Почти обнажённых, истерзанных временем тел,
А белые флаги: мы сдались без боя,
Мы недостойные звания героя,
И для кого-то подобный удел – беспредел.

У нас репродукция старой картины:
Три креста, и на них три безликих мужчины –
Их лица сокрыты в тени полумёртвых лампад.
Палач разрыдался от боли и страха:
Ему опротивела старая плаха.
Никто не воскреснет, все трое отправятся в ад.

То, что я слушаю, вам не понравится.
Я вижу, как мир вокруг нас разрушается,
И только скрипит за окном околдованный лес.
Кто из нас ангелы? Кто из нас демоны?
Это неважно, ведь люди повешены,
И их уже варит в котле обездоленный бес.

Ты – Человек

Как иногда бывает важно не понять,
И сказанное слово не услышать,
И разуму заветному не внять,
Не верить в предначертанности свыше.
Что думаешь? Постой, не уходи,
Читатель дорогой и сердцу милый,
Остановись на время, погоди,
Увидь: на небе ангел шестикрылый
Летит к луне, луна – за небосвод,
И серафим за ней спешит угнаться,
И так весь день, весь месяц и весь год:
Догнать луну нам можно не стараться.
А знаешь, сколько языков
Есть в этом мире? Знаешь? Я не знаю,
Я знаю только проповедь волхвов,
Евангелие в беспамятстве сжигаю.
Ты слышишь песню? Это соловей
Среди зимы пугающих иллюзий
Воссоздаёт тот образ голубей,
Что потерялся в облаке дискуссий.
Настала ночь – прекрасная пора.
Однажды вечером безлюдным, очень поздним
Забудем мы проблемы до утра,

А с наступлением рассвета и не вспомним.

Очнись, герой, ведь имя Человек

Ты носишь незаслуженно, но гордо,

Так проживи достойно праздный век,

Достойно званию вселенского милорда.

Эмигрант

«Что родина тебе моя? –
Спросил однажды чужеземец. –
Ведь ты не знал её края,
Не знал, как пашет земледелец.
Ведь ты не знал, как соловей
Холодным утром где-то в поле
Летит, как в клетку, в пекло дней
Навстречу собственной неволе.
Когда на наших ваши шли,
Не знал я, друг, что нас надула
Судьба-злодейка, и нашли
У вас приют, лишь век минуло.
А помнишь?.. Нет, не знаешь ты
Под солнцем поле золотое,
Усадеб пышные сады –
Всё то, что было дорогое.
Сменилось время. Человек
Стал человеком наконец-то,
Но встретил я двадцатый век
Вдали от власти и совета.
Опять война, опять в крови
Страна со вскриком захлебнулась,
Но ты, мой милый друг, не жди,

Чтоб вновь она не встрепенулась.
Ведь ты не знаешь... Стих буран;
Весна жила вне всяких правил,
И майский гром под барабан
Победу новую возглавил.
Что родина тебе моя? –
Спросил печально чужеземец. –
Ведь ты не знал её, как я,
Как с неба падал хрупкий месяц.
Я помню... Рожь склонилась ниц,
И ветер волосы мне треплет,
Не то что здесь, среди чуждых лиц,
Родному голосу не верит.
Что родина тебе моя?
Её ведь нет давно в помине,
Ведь только в памяти друзья,
В сознании церковь на равнине...»

Голубая ночь над Порт-Артуром

Тихий звон, как вязкая смола,
Разбудил меня однажды утром,
И мгновенно в памяти всплыла
Голубая ночь над Порт-Артуром.
Как сегодня помню: снился сон.
Незнакомец в форме старомодной
Обходил разрушенный кордон
На земле истерзанной, бесплодной.
Я стояла где-то вдалеке.
Берега пологие Амура
Представали будто на руке,
Вырастали стены Порт-Артура.
Незнакомец тихо подозвал
К круто уходящему обрыву
И на ухо вкрадчиво сказал:
«Потанцуем до финальной битвы?»
И танцуем мы на склонах вальс,
А под нами пропасть гложет небо;
В сентябре опавшая листва
Нарушает собственное вето,
И оркестр духовой звучит,
Где-то там, над морем, завывая,
И солдат загадочно молчит,

В первый вальс искусно завлекая.
Незнакомца хочется спросить,
Отчего под нами пляшут пули,
И солдаты, разрывая нить,
Навсегда под берегом заснули,
Только прочь уносит чудный вальс
Мои мысли, словно паутину,
Чей навеки созданный каркас
Ветер бросит в зыбкую пучину.
Мы танцуем, но отводит взгляд
Незнакомец, горько усмехаясь,
И глаза уж больше не горят,
Предо мной за что-то будто каюсь.
Но за что ты просишь у меня
Еле различимого прощения?
Ты отвёл от вражьего огня,
От любого вражеского мщения
Целый город. Но молчит Амур,
Виновато волны опуская
На песок, где мёртвый Порт-Артур
Своего ждёт суженного рая.
«Скоро битва, – шепчет мне солдат, -
И немного времени осталось.
Танцевать я был бы с Вами рад,
Ни на миг с судьбой не расставаясь,
Но, увы, меня к себе зовут

Берега пологие Амура,
Где японцы с ненавистью рвут
Городские стены Порт-Артура».
«Это правда, – я спросила вдруг, -
За тобой останется победа?»
Но молчит, увы, мой странный друг,
Избегая горького ответа.
Мы танцуем над обрывом вальс
И считаем редкие минуты
До того, как чей-то робкий глас
Сбросит с нас удушливые путы.
Смолк оркестр. Выпустил меня
Старомодный странный незнакомец,
И я вижу, как в тени огня
Погибает храбрый знаменосец.
«Мне пора», – сказал тихо солдат.
Губы сжала грустная улыбка,
И идёт, увы, не наугад
Он туда, где над Амуром дымка
Превратится в дым пороховой,
И судьба давно уже известна.
Очень жаль, что выстрел роковой
Порт-Артур уронит в эту бездну.
«Ты вернёшься?» – но солдат молчит,
Головой размеренно качая,
А в моих ушах ещё звенит

Музыка из вальса заводная.
Вдруг... Пропал солдата силуэт,
Растворился в небе, словно пепел,
И разрушен наш немой дуэт,
Словно никогда на свете не был.
Весь мой сон в осколках потонул –
Он разбился, будто бы хрустальный,
И исчез забытый караул
В тишине безмолвной, уникальной.
Сон оборван, но его конец
Мне сейчас узнать уже не надо:
Возложила собственный венец
На могилу сникнувшего града.
Незнакомый образ всё стоял
Предо мной, когда проснулась утром,
И мгновенно в памяти всплыла
Голубая ночь над Порт-Артуром.

Ундина

Суровое море, жестокое море
Холодные волны солёным дождём
Над острыми скалами в вечном фаворе
Разбило, и отступление прежним путём
Теперь невозможно: крутые обрывы,
Отвесной стеной уходящие вниз,
Доносят до нас не степные мотивы,
А завывания ветра. Повис
Последний листок на облезлой берёзе,
И хоровод полусгорбленных ив
Кольцом окружает размытые грёзы
И кружева конских спутанных грив.
А вот и она – молодая ундина,
Идёт по береговой полосе.
В её волосах не болотная тина,
А флора, раскрытая в полной красе,
И голос волшебный, манящий в пучину
Тяжёлый корабль хромых моряков,
Искусно рисует морскую ундину,
Гораздо красивей немислимых слов.
Суровое море, жестокое море;
Хлестают над ним одиноко ветра,
И их пожирает глубокое горе,

Таких же глубин, как и пламя костра.
Ундина – русалка с запятнанным прошлым.
Когда рыболов выходил в сизый Дон
И лодка была предоставлена волнам,
Не шелестел ветер лапами крон,
И ивы стояли, склонённые к водам.
Река узкий лист уносила туда,
Где ночью спешил к задержавшимся родам
Никем не замеченный образ дрозда.
Не спал на рассвете рыбак отчуждённый.
Ундина на берег скользнула во мгле:
Её силуэт, светом звёзд окружённый,
Испачкан в ночной полутёмной золе.

Вокзал

Я вышла на заброшенный перрон.
Передо мной скрипел слепой вагон:
Разбиты окна, и разрушен мост,
Ведущий на потерянный форпост,
И шпалы заросли зелёным мхом,
И рельсы под немислимым углом
Заломаны, как будто ураган
С корнями вырвал скошенный курган.
Вокзал молчал. Уснули поезда,
Наверное, ещё не навсегда,
И ночью призраком горели фонари,
Лишь с наступлением рубиновой зари
Они погасли. Чистая роса
Рассеивает лупой голоса,
И эхом отлетает птичья трель
От полых стен, вагонов колыбель.
Зал ожидания застенчиво молчит,
И около дороги сладко спит
Ржавеющий и сломанный состав —
Приют моих незавершённых глав.
Он мёртв, вокзал. Когда-нибудь живой
Стрижей и ласточек нововведённый строй
Его разбудит, но проснётся вновь

Уже другой вокзал. Проливший свою кровь,
Он спит давно, с тех пор, когда война
Стекло разбила хрупкого окна,
И не свистит седой локомотив
Военный, почти стёршийся мотив.

Я помню: мне снилась весна...

Я помню: мне снилась весна,
И на рассвете полнеба
Горело; мне снилась луна
И запах сгоревшего хлеба.
Я помню: мне снилась свирель
И рожь в нераспаханном поле.
Качалась в ночи колыбель,
В моей полусгинувшей доле.
Я помню: пастух выходил.
Печально зима провожала
Его в предрассветный акрил,
Где раньше весна воскрешала
Мои луговые цветы
И мой слишком белый подснежник,
Но с ним вместо этого спит
В избе захудалый валежник.
Я помню сейчас, как тогда:
Мне чудились майские грозы,
И рассыпалась звезда
На алые, спелые розы,
И вишни в далёком краю
С ума золотыми цветами
Сводили натуру мою...

Мне снилась весна с облаками.

Созвездие дождя

Зима уходит налегке
Немного погода,
И только светит вдалеке
Созвездие дождя.
Весна проходит – лето вновь
Сквозь скучные сады
Тихонько шепчет про любовь,
Грядущие труды.
Настанет после летних гроз
Осенний листопад,
И на бутонах свежих роз
Погаснет циферблат.
Не остановят ни на миг
Песочные часы
Свой ход, и только прячет лик
Созвездие весы.
Упруго хлещет в небесах
Холодный звездный дождь,
И тает в тёплых облаках
Забитый в небо гвоздь.
Мне как-то сказку рассказал
Знакомый старый друг
О том, как солнечный овал

Вдруг превратился в круг,
И как волшебный звездный кот
Лакал наш Млечный путь.
Я эту сказку целый год
Твердила наизусть.
И вот в рассветной вышине
Бледнеет, уходя,
Почти не видимое в окне
Созвездие дождя.

Скорпион

В пустыне чёрный скорпион
Жил между жёлтыми песками,
Как самый древний фараон,
На трон посаженный богами.
Короны свергнутых царей
Ржавели в каменной пещере,
И много-много долгих дней
Там не ступала нога зверя,
Лишь скорпион, хозяин тьмы,
Своим отравленным кинжалом
Давил ничтожные умы
И отпускал на волю даром.
Уже давно оазис мёртв –
Там не течёт вода живая,
Гиена только тихо ржёт –
Её душа насквозь гнилая.
Она смеялась надо мной,
Над тем, как я идти старалась,
Но солнце, образ золотой,
На сотни стёкол распадалось.
Стервятник, падальщик пустынь,
Клевал измученное тело,
И еле слышное «аминь»

С губ окровавленных слетело.
Диск солнца, что неуловим,
Зашёл за кромку горизонта,
И только коршун норовит
Увлечь меня за грани фронта.
В пустыне, полностью немой,
Я умирала слишком долго,
И серп на небе золотой
Скатился к берегу полого,
Но вот размытая кайма
Рисует образ скорпиона,
И с головы его царя
Спадает хрупкая корона.
– Убей меня, – молила я,
И, слава богу, он услышал,
Мой независимый судья,
Лишённый гордого престижа.
Я не преступник, не истец,
Но в чём-то точно обвинённый,
Вот почему ещё мудрец,
Смертельным ядом отравлённый,
До вздоха верного твердит
Полуправдивые молитвы,
И на моей груди сидит
Владелец смерти сиротливой.

Демоны

Луна перешла голубой небосвод,
И чёрные-чёрные вороны
Летят через лес, но скажи мне – куда?
В какие далёкие стороны?
По тёмному небу бегут облака
И чёрные-чёрные вороны.
Куда их уносит степная река,
Завившая синие локоны?
Ты снова молчишь. Что ж, и я помолчу,
Но чёрные-чёрные демоны
Летят через север на ласковый юг,
Где для кого-то божественны.
Широкое поле, где ветер поёт,
И чёрные-чёрные вороны.
Зачем его кто-то ещё стережёт?
Барьеры давно уже сломаны.
Стихает вдали разъярённый буран,
Но чёрные-чёрные демоны
Сзывают по-новой степной ураган –
Они, как обычно, не сдержаны.
За лесом виднелись одни купола,
И чёрные-чёрные демоны
Бежали туда, где остались дела,

Хотя все давно уже сделаны.
Пыльные перья, и солнечный свет,
И чёрные-чёрные вороны.
За горизонтом черешневый цвет
И облака будто сотканы
Из птичьего пуха, из пены морской,
Из слова изнеженной родины,
И только бегут через край голубой
Сражённые демоны-вороны.

Спасите наши души

Погас вдали лиловый небосклон,
И заложило ультразвуком уши.
Как жаль, что это всё – уже не сон,
Лишь я кричу: «Спасите наши души!»
Потоп сносил пустые города,
И звёзды падали с обугленного рога.
Лишь только когда к нам пришла беда,
Мы, наконец, уверовали в Бога.
Тряслась земля, крушился небосвод,
И Сатана плясал на наших душах.
Казалось, рай и ад последний год
Войну ведут на небе и на суше.
Я зря тушу горящий звездопад,
И Библию, открытую напрасно,
Читаю я скорее наугад,
Ведь знать молитвы наизусть опасно.
Где эти реки в солнечной крови?
Где серебром отделанные дали?
Мы захватили трон взамен любви,
Мы всё добро на злобу променяли.
Гоняли лист пустынные ветра,
Ушла под воду рухнувшая суша,
Расколота временем гора

Зеркалит крик: «Спасите наши души!»
То дьявол или бог ломает мир?
То ангел или бес роняет слёзы?
То сотворённый Господом кумир
Разрушил наши розовые грёзы?
Погасло солнце, видимо, навек,
И заложило ультразвуком уши;
Сочтён, увы, наш неуместный век.
Я вас прошу: спасите наши души!

ДЫМ

Клубился над рекой молочный дым,
Спускался с берега белесым покрывалом,
И расплывался живописный Крым
В долине моря выцветшим туманом.
Молчали горы. Старый Кара-Даг
Угрюмо возвышался среди ночи.
Мерцал вдали невидимый маяк,
Раскрыв свои беспомощные очи,
И спало небо под большим крылом
Белесого молочного тумана,
И отражался в море миражом
Весь Млечный путь седого океана.
Парил в вершинах гор прозрачный дым,
И таял он, не белый и не чёрный,
И отправлялся к берегам чужим
Фрегат, на родине любовью обделённый.
Скатился с гор бесформенный туман,
Оставив позади пустынные просторы,
И меж ущелий гордый караван
Печально плыл в расколотые горы.
Плескался над рекой молочный дым,
Взошла луна над небом полумёртвым,
И силуэтом огорчённый Крым

Мерещился над морем сине-чёрным.

Судный день

Настанет в моей жизни страшный день:
Луну закроет солнечная тень,
И души всего мира, всех времён –
От дней сегодняшних до вымерших племён, –
Все соберутся вместе перед тем,
Кто создал этот образный гарем;
Кому обязаны и ласковым добром,
И пожирающим и необъятным злом,
И чувствами, сожжёнными в огне,
И жизнями, погибшими в войне,
И всем, что человеческий глаз
В вселенной видел много-много раз.
И я тогда спрошу: «Мой Господин,
Что от рождения до старческих седин
Судьбу мне прописал, скажи, зачем
Ты создал этот образный гарем?
Зачем сейчас стоим перед тобой,
Все с одинаково прописанной судьбой?»
И Он ответит мне: «Затем, дитя,
Чтоб в этой жизни не был один Я;
Чтоб во Вселенной чистая любовь
Кому-то грела стынущую кровь;
Чтоб каждый жизнь, прописанную мной,

Переписал по новой, по живой».
И я задумалась – мне было не понять,
И кредо мироздания не внять.
Толпа людей рассеялась, как дым,
Представившись не больше, чем иным.
И я его спрошу: «Мой Господин,
В пространстве космоса оставшийся один,
Как долго в лабиринте страшной тьмы
Ты собирал разбитые умы?»
И он ответит мне: «Дитя грехов,
Постигнувшее проповедь волхвов!
Ведь я и есть та тьма, что гложет мир
Под грузным перекрестием рапир.
Мне подчинилась стонущая мгла,
У ног моих, послушная, легла,
И свет мне подчиняется, и тот,
Кто обращает вспять Вселенной ход».
И неизбежно подойдёт к концу
Мой Судный день, и голову венцу
Подставлю я, покорная судьбе,
Потерянная в яростной толпе.
Но я его спросила: «Господин
И знаний сего мира исполин,
Открой мне тайну: кто я и зачем?
Хочу узнать я вскоре перед тем,
Как снова жизнь с прописанным концом

Украстить полувисохшим венцом
Придётся мне, и рухнет прежний мир
Под грузным перекрестием рапир.
Скажи, в чём смысл жизни мой?!...»
И промолчал Всевидящий Творец,
Начала всех начал Святой Отец,
И завершился личный Судный день,
Рассеявшись в невидимую тень.

Ноябрь

Трепещет лист, забытый ветром
И стужи яростным оркестром –
Их медных труб голодный вой
Его накроет с головой.
Прилёт на землю первый снег,
И жизни радостный побег
Упал, сражённый наповал
Клинком неосторожных скал.
Ноябрь спал; парил, как птица.
Людей невидящие лица
Смотрели вдаль, где в мёртвой мгле
Цветы грустили о тепле.
Один бутон в сухих углях
Уснул, как в сказочных полях;
Его беспечный, вечный сон
Не беспокоит скорби стон.
Дом тонким инеем покрыт,
От глаз чужих в метели скрыт,
И снег искрится, как алмаз.
Зимы суровой зоркий глаз
Туманом осени прикрывлся
И в нём безвременно забылся,
Как забывался каждый год

Под грузом тягостных забот.
Лес шелестел, и струны ветра
Под звуки сонного оркестра
Тихонько пели в тишине
Сонату матовой луне.

О Рождестве и розах

Прошёл декабрь, впереди – январь.
Я снова жду рождественское чудо.
Такой уютной желтизной фонарь
Дорогу освещает. Беспробудно
Спят у обочины безмолвные снега,
Искрится лёд под нашими коньками,
И Рождество проходит сквозь века,
И снова с озорными огоньками.
Чай остывает. Праздничный мороз
Меня опять по-своему ласкает,
И на бутонах полумёртвых роз
Он кружева с любовью вышивает.
О розы, розы... Наше Рождество
Ваш цвет прогнало. За полярным кругом,
По-прежнему не веря в волшебство,
Вы всё равно цветёте полукругом.
И стонет ветер высоко в горах,
Там, где когда-то Санта Клаус
С оленьей упряжью, на именных санях
Промчался. Одинокий Крампус
Скакал за ним, один из сыновей
Холодной тьмы и братец Николая.
Потом за неодаренных детей

Благодарил, свирепо завывая.

Эх, Рождество... Ты чудо или мрак?

Я поняла твой смысл спустя годы:

Что ты для нас не друг, но и не враг,

А просто изменение погоды.

Прошёл декабрь, впереди – январь.

Забудь о том, что было и что будет.

Перевернула старый календарь

С надеждой, что судьба меня забудет...

Рождество

К двери подкралось рождество,
И снежный тонкий колокольчик
Впустил к нам в окна волшебство.
Оповестил дверной звоночек
О том, что скоро тонкий лёд
Холодной тысячей осколков
Прогонит уходящий год
В пучину бывших самородков.
А новый, ласково светясь
Своими яркими огнями,
На главной площади кружась,
Зажжёт Москву под фонарями.
Не спит суровая метель,
Не дремлет радостная выюга,
И сторожат святую ель
Все члены праздничного круга.
Короткий вдох – и полночь бьют
Неумолимые куранты.
Когда наш хрупкий небосвод
Держали снежные атланты,
Тогда смотрели странный сон,
Как будто кружево из снега
Покрыло маков красный склон

Пуховой тенью берега.
Молчала ночь, лишь дом не спал –
На стёклах опустевших окон
Морозный воздух рисовал
Неукротимый зимний локон.
И... Рождество. Его задор
Передается с проводами
Предновогодних городов
И предрассветными лучами.

Розовый шмель

На розовом клевере розовый шмель
Всю зиму лелеял ручную метель,
И на холме одинокая ель
Хранила границы волшебных земель.
Стоял на вершине заснеженный трон.
Правитель страны, горделивый пион,
Украсил собой пламенеющий склон,
Где умер от горя цветочный питон.
Свой зев раскрывали цветочные львы
В ответ на рычание новой главы,
Но не могли возвратиться, увы,
Туда, где таились глубокие рвы.
Волшебник страны, именуемой Оз,
Бутоны застенчивых пепельных роз
Под теплым крылом окровавленных гроз
Нам в страшный подарок однажды принёс.
Закованный сном, глубоко под землёй
Шмелиный навек успокоился рой.
Его наваждение снято рукой,
Воспетой во многих элегиях мной.
Под снегом построил немислимый дом
Хранимый метелями маленький гном,
И спит безмятежным, бессмысленным сном

Осознанный лес под пуховым платком.
И розовый шмель в одиночестве спит;
Зимы колыбельная грустно звучит,
И снег под ногами у гномов скрипит
В компании строгих, ворчливых элит.
Живёт глубоко под снегами страна.
Её королева, хромая луна,
Гуляет под небом, где плачет сосна,
Ведь душит её золотая вина.

В морозном небе падал белый снег...

В морозном небе падал белый снег,
Укрыл своими лапами навек
Лицо Земли. Холодная вода
Волнуется и топит города.
Спит Ледовитый грустный океан
Под толщей льда, как сломленный титан.
И, как «Титаник», снежная скала
К портам во льдах неспешно уплыла.
Медведица махровый небосклон
Исправно сторожит, и плачет он
Слезами из литого хрусталя,
Осев снежинками на носе корабля.
Из звёзд растёт небесный виноград,
И в этот миг мы видим звездопад –
Его хвосты растают в небесах
И вдруг зажгут доверие в сердцах.
Мне кажется, что каждый новый день
Заносит пеленой, как будто тень,
И тают в сердце колкие слова,
Как тает снег и снежная Москва.
Сугробов крепости на улицах стоят.

За их стенами не медведи спят,
А айсберги, холодные слоны,
Чьи хоботы касаются луны.
Кого жалеешь, мёртвая зима?
Обрывки догоревшего письма
Согреют дом и каменный очаг,
Ведь ты нажала действенный рычаг.
Я глубоко больна – мой разум не живёт,
В сосуде сердца паутину рвёт,
Лишь жар и бред теперь мои друзья,
И в их компании молитву слышу я.
Моя болезнь сковала тонким льдом
Стоящий вдалеке холодный дом.
Он предоставлен стонущим лесам,
На растерзание бушующим волкам.
Мне кажется, я слышу волчий вой,
Или метель зовёт меня с собой,
Или табун замёрзших лошадей
Бежит туда, где вдвое холодней.
Мне сказку шепчет вьюга до утра,
Пока не схлынет тёмная пора.
Вдруг хмурый ветер кротко замолчит,
Но вновь в трубе камина засвистит.
На крышах отзеркаливает наст.
Полярный полюс нехотя отдаст
Другой зиме пушистые снега,

Похоронив заклятого врага.

В морозном небе падал белый снег...

Декабрьские ночи

Закрыла навсегда распахнутые очи –
Мне снится полуголая метель.
Настали вновь декабрьские ночи
Спустя какое-то количество недель.
Я снова жду, когда под облаками
Взорвётся снопом искр синий лёд;
Мне снится ночь с пушистыми снегами,
Я чувствую зимы морозный гнёт.
Мне снятся вновь колючие сугробы,
Во рту заледеневшая зима.
Жестокий ветер треплет полы робы
В холодной невесомости ума.
Декабрьская ночь мерцающей гирляндой
Окутала замёрзшие леса.
Снежинки на меня сиреневой лавандой
Ложатся, прогоняя голоса.
На небе, далеко, где горы засыпают,
Мне светит Вифлеемская звезда.
За горизонт кометы пропадают,
Суровой вьюги избежав суда.
Мне снится сон по-своему волшебный:
Наступит на земле декабрьская ночь,
И расцветёт цветок особенно заветный,

Который сможет каждому помочь.

Белая лодка

Белая лодка под ивой качается,
Манит меня в эту водную гладь,
В которой волна у утёса ласкается,
Будто забытое просит отдать.
Я в эти объятия с лёгкой улыбкой,
Как на перины, упала в ответ.
Прогнувшись под мной золотой паутинкой,
Вода понесла меня в ранний рассвет.
И, словно в гипнозе, мне видится образ,
Воздушный и лёгкий, как ткань облаков.
Моя колыбель – расцветающий лотос,
Обитель волшебных, магических снов.
Прозрачные стопы несут меня в гавань,
О берег стучит лодка белым бортом.
В холодную воду опуская ладони,
Встречаюсь внезапно с мерцающим дном.
Меня не пугает песок шелковистый,
Под толщей воды погребённый во тьме,
Но берег встречает грядой каменистой,
И речка толкает к холодной скале.
А белая лодка лукавой усмешкой
У кромки качается, словно зовёт
Обратно в пучину, где сломленной пешкой

Я глупо надеюсь, что вновь повезёт.
Скрипят неумело тяжёлые вёсла.
По полупрозрачной хрустальной воде
Я вдаль убегаю, и мутные стёкла
Следят, разбиваясь за мной в темноте.
Туман, словно порванный, брошенный парус,
Скрывает в себе силуэт стрекозы,
И небо, окрасившись в яростный лакмус,
Закрылось листвой виноградной лозы.
А белая лодочка, ловкий кораблик,
Везёт меня дальше в речную страну.
Сияет на дне одинокий кристаллик
И ждёт, что я руку сейчас протяну.
Не терпится в эту манящую бездну
Нырнуть безрассудно, как в сон, с головой,
Однако напомнил об опыте лестно
Недавно потерянный нежный покой.
Кроткие лилии жёлтыми чашами,
Как ночники в запоздалой ночи,
Путь белой лодке зелёными лапами
Снова покажут, ты только молчи.
Плотный туман преукрашенным облачком
Реку укутал, её берега,
И потерялась белёсая лодочка
Там, где когда-то пестрели луга.

Паук и бабочка

В отголосках сознания можжевеловый хмель,
Мне твой образ повсюду мерещится.
В опустевшем саду жужжит розовый шмель,
И осока у пруда колеблется.
Как во сне, наяву я услышал твой крик,
Утонувший в безоблачном вечере,
Но уже чёрный ворон тускнеющий блик
На дороге оставил. Их четверо.
Ты боишься меня. Что ж, тебя не виню.
Я прикрыл из развратную лавочку,
Но пускать среди ночи на Блэк-авеню
Я, паук, не планирую бабочку.
Среди хвойных стволов корабельных опор,
Мачт, растущих из моря,
Одиноко плету с незапамятных пор
Паутину застывшего горя.
Много раз по ночам блудный сын-мотылёк
В сети падал ко мне, утомлённый,
Ведь цветущий во мгле озорной огонёк
Его крылья обжёг. Прокажённый,
Я по пляжу бреду, и потухший маяк
Встретит тьмой голодающей пропасти,
Но упёртая дева, словно бык или як,

Крутит старые ржавые лопасти.
В поле тихо, как тихо бывает у звёзд,
Лишь скрипит опустевшая мельница.
У забытых с непрожитой осени гнёзд
Грустит лёгкая бабочка-девица.
Подожди лишь чуть-чуть. Скоро солнце взойдёт,
День согреет разрушенный город.
И как только иллюзия снова пройдёт,
К нам вернётся зимующий голод.
Взгляд печальный в окно, словно жидким стеклом,
Отливает в претупленном свете,
И порхает над бездной, усеянной сном,
Мотылек, живший в солнечном лете.
Улиц праздничный смех встретит новый закат
Перед ночью с её огоньками.
Но по тёмным дворам я бреду наугад,
Тишину оглушая шагами.
Поздний час опустился на крыши домов,
Под которыми греется ласточка.
Как сгубила потоком бессмысленных слов
Паука полумёртвая бабочка?
У калитки скулит дому преданный пёс.
Не грусти, здесь не ценится верность.
Что на волнах своих океан мне принёс?
Крылья бабочек, канувших в вечность.

Золотая осень

Парит под небом золотая осень,
Одетая в багровые леса.
Пять раз на день, а иногда и восемь
Я слышу в поднебесье голоса.
Богатый сон, рассыпанный в долине,
Пьянит и манит, сладкое вино.
Забылась ночь, как будто бы в помине
Никто не знал когда-то про неё.
Плач тихих грёз, оставленный с годами,
Так ненавязчиво напомнил о себе.
Хрустит листва под вязкими ногами,
Залившись в неслышанной мольбе.
Проходит день, за ним проходит вечер.
Кровавой речкой тянется закат,
И этот странный, жаркий прелый ветер
Напоминает каменный гранат.
Горит костёр. Изнеженные листья
Сжигаю я в сентябрьском огне,
И в иле перепачканные устья
Меня встречают с радостью во тьме.
Кто ты, скажи, красавица-девица?
В бордовом платье с золотым венком
Ты, словно желтогрудая синица,

Мне песнь поёшь о чуде лесном.
Прошу, не надо. Зимние морозы
Скуют тебя до радостной весны,
Чьи цепи – не завянувшие лозы
В пределах чьей-то гаснущей луны.
Волшебный сон – не лето, и не стужа.
Что говорит уставшая слуга?
Что листопад в ночи покинул службу,
Устлав ковром зелёные луга.
Ты слышишь звук? То северные птицы
Летят с югов в объятия зимы,
А журавли вперёд, к неустающим лицам
На юг спешат, как делали и мы.
Но эта осень, залитая краской,
Из сердца вон уйдёт с её дождём.
Ты дорога, но за дешёвой лаской
Мы в гости снег и стужу позовём.

Послушай, как во мне скрипит зима...

Послушай, как во мне скрипит зима,
Как пахнет ночь, усыпанная снегом,
Как зажигаются на улицах дома,
Чьи крыши – нарисованные мелом.
Под лезвием конька поёт хрустальный лёд.
Свет фонарей под тонким ароматом
Моей зимы укутывает год,
Ступающий неравнодушным шагом.
И шелест звёзд над крышей поутих,
И на столе оставленные спицы
Вновь оживут под петушиный крик.
Январские озябшие синицы
В окно стучат, отбросы нищеты.
Простите мне за мой литературный,
Но я привык за лучшие труды
Просить награду. Мой платок нагрудный
В тепле камина светится зимой
И греет вьюгой начатое горло.
Огонь за этой каменной стеной
Колдует, вырисовываясь блёкло.
Послушай, как во мне скрипучий снег

Прогнулся под тяжёлым вздохом,
Как одинокий странный человек,
Укутанный зимой, с холодным домом
Наедине остался. В нём камин горит;
Горит, не греет. Заспанные звёзды
Сияют в вышине, и там же где-то спит
Метель под неразборчивые ноты.

Чёрное море

Я вижу вдали среди слоя тумана
Штиль грозных и неизведанных вод,
И будто за тонкой мембраной обмана
Я вижу в глубинах затерянный грот.
И жемчуг на дне где-то тускло мерцает,
Покрытый белеющей пеной морской.
Волнуется море, пески поднимает
И синие волны бьёт в борт за кормой.
Великое наше суровое море,
На волнах своих укачай моряка.
В могучем и необъятном просторе,
Тебя я прошу, пощади старика.
Но пенится море, и рушатся скалы
Под сильным ударом разгневанных волн,
И парус сквозь накипевшие валы
Покинул разбитый у берега чёлн.
За что ты так с нами? Борейские ветры,
Его ненаглядные, верные псы,
Бегут, подгоняют суровую веру
В бескрайность солёной морской полосы.
В пучине голодные дикие штормы
Крушили неуловимый фрегат,
И стёрлись границы, разрушились формы;

Мерещится жемчуг, как белый агат.
Родимые скалы! Увижу ли снова
Я вас повелением коварной судьбы?
Скажу ли для вас я заветное слово,
Забытое в храме безликой мольбы?
В тиши предрассветной, в неясном тумане
Стою я одна на мысу корабля.
Крикливые чайки в особенной тайне
Воюют за место у древка руля.

Осенний бред

Я перечитываю начатый дневник,
Лежу на подоконнике холодном.
Закрой окно, безбашенный шутник -
Мне ветер вторит голосом голодным.
Горячий чай как виски, как мартини:
Он обжигает волглое нутро.
Несвязный бред сквозь дымку палантина
Я окунул в железное ведро.
Сознание как будто в паутине...
Ни слова я не понял из того,
Что на висевшей в комнате картине
Мне рассказал художник про неё.
Всё это бред... Да, бред, никак иначе.
Мне солнце постучит в закрытое окно,
И я увижу, как в густом тумане
Вокруг оси поёт веретено.
И веки тяжелы, закованные снами,
И руки сами тянутся к вину,
Но лишь притронусь я к нему губами,
Меня вернут в родимую страну.
Мой воспалённый мозг кровавые узоры
На черепной коробке рисовал.
Осенним бредом мучимые своры...

Я приговор смертельный подписал
Себе, метаясь в убранной постели,
Когда на улице хлестал холодный дождь.
Я видел, как сквозь дикие метели
По снегу плёлся надломлённый вождь.
Осенний бред я вылил на бумагу,
И чай из трав безвременно остыл.
Прощай, дневник. Я глупую отвагу
Похороню в свой неуёмный пыл.

В глуши лесов, за стенами дубрав...

В глуши лесов, за стенами дубрав,
За вязкими просторами болота
Живёт во мгле неукротимый нрав
Великого сурового народа.
О них никто не слышал с давних пор –
Тогда ещё на княжеском престоле
Царил заветный мирный договор,
Чей поклонялись самой светлой воле.
То было время тихое для нас.
Бутоны карамельного рассвета
Цвели в саду, как будто бы в аванс,
И отцветали в середине лета.
Строптивый конь под тягостной бронёй
Копытом бил в железные остроги,
И оживали с утренней зарёй
Забутые пустынные дороги.
О нас ходила славная молва
И долгие века не утихала.
На языке медовая халва
Наш разум постепенно отравляла.
Забыл народ горячей битвы пыл,
Как меч и щит держать в руках уставших,
Как лук и стрелы вражеский посыл

Старались отводить от пострадавших.
Шептались тихо тёмные леса,
В степях текли синеющие реки,
Во фьордах разносились голоса
Ветров, закрывших сморщенные веки.
Могучих гор пугающий простор
Мертвецкий холод сеял над полями.
Прервался оживлённый разговор,
Погасший между вечными боями.
И снова скалы, скованные льдом,
Разносят неслышанное эхо
Над побеждённым раненым врагом
Холодным и стервятническим смехом.

В лугах стада овечьи спали...

В лугах стада овечьи спали,
И птицы в роще перестали
Петь тихий свой молитвослов,
Переступив за грани снов,
Лишь светлячки в пшеничном поле
Сияют, как бы поневоле.
Пленяет сном дремучий лес
Сквозь ткань пугающих завес.
Куда спешишь ты, светлячок?
На тот далёкий огонёк,
Что мне маячит на окне;
К медовой платине-луне,
К парящим в небе светлячкам,
Что звёздами зовутся нам.
Их быстротечный хоровод
В плену забылся мутных вод.
И тонет в тьме ночного мира
Незатихающая лира
Природы, грустного певца,
Что ловит ноты на живца.
Вновь насекомых свет неясный,
Такой по-своему опасный,
Едва ли теплится в тиши

Непроходимой тьмы глуши.
И стонут струны под аккорды
Изрезанной ножами хорды,
И слабый вскрик, и слабый стон,
И тишины давящий звон.
Лишь светлячок, маяк надежды,
Сквозь путы порванной одежды
На грудь взобрался. Слышишь ты
Стук сердца в лапах темноты?

Ну здравствуй, друг...

Ну здравствуй, друг... Не виделись давно.
Ты мне не рад? Прости, сейчас оставлю.
Я так надеялась, тебе не всё равно,
Но на могиле памятник поставлен.
Там спит сирень, и дремлет соловей,
Качаются в саду деревьев ветви,
Журчит вдали несохнувший ручей,
И плачут где-то каменные девы.
Ты спишь, мой друг. Тогда будить не стану.
Покой сейчас – святая благодать,
Но даже после гроба не отстану,
И долг свой не забудь потом отдать.
Ты вновь молчишь. Прости меня за этот
Бессмысленный неловкий разговор,
Прости за этот глупый детский лепет,
Прости меня за наш с тобой раздор.
А у меня как жизнь? Да ничего, нормально.
Недавно, вот, увидела тебя,
Жаль, что во сне, но этого хватает,
Чтобы за грех начать бранить себя.
Шумит река с крутыми берегами,
За ними к небу тянутся луга
С кристально-чистыми слезами-васильками,

Где свежескошенные лежатся стога.
За горизонтом стелется цепочка
Туманных гор, увязнувших в ночи,
Трепещет еле видной оболочкой
И пламя незатушенной свечи.
Там спит сирень, и спят в ночи закаты,
Там тишина неслышимо поёт
Под грома отдалённые раскаты,
Что словно в бубен жизни ритм бьёт.

Планета снегов

Есть в космосе мрачном планета снегов.
Звездой одинокой на небе,
Затерянной в мире нетающих льдов,
Мы видим её, и молебен
Звучит в вышине под сияние звёзд,
Под тихую трель свиристелей.
Вращается где-то за тысячу вёрст
Планета снегов и метелей.
Там горы и склоны усеяны сном,
Лишь северный ветер не дремлет,
И стынет в степи дотлевающий дом,
В котором камин меня греет.
Чудесная сказка царит круглый год.
Полярные долгие ночи,
Покровом своим остудив зимний гнёт,
Закрыли черничные очи.
И дремлет страна под пуховым платком
Снежинок, не тающих в пальцах,
Как будто навеки в режиме одном
Застыла, забытой на пяльцах.

Внутри

Скажи мне, что ты видишь там,
Где к полуночным городам
Сквозь время мчатся поезда,
Чтоб в них остаться навсегда?
Скажи мне, слышишь? Тихий стон
Звучит в закрытый домофон,
И по ту сторону стены
Бродяга дремлет. В свет луны
Дождём не пойманная птица,
Моя вечерняя певица,
Летит и бьётся, словно зверь
В ключом не запертую дверь.
Скажи мне, чувствуешь? Внутри
Мне очень холодно. Не ври –
Каминный яростный огонь
Заменит тёплую ладонь.
И старый плед, и подоконник,
И кресла мягкий подлокотник –
Всё это в самый зимний день
Заменит тихой грусти тень.
Скажи мне, что ты видишь? Сон,
В котором сломанный загон,
Крик петуха в пшеничном поле,

И дикий ветер на свободе.
Скажи мне, слышишь? Тихий стук
Под колокольный вязкий звук,
И скрип колёс в пустой долине,
Что тонет в губящей трясине.
Скажи мне, что ты видишь там,
Где по разрушенным мостам
Плетутся после передряги
В бреду сломлённые бродяги?..

Что между нами?

Что между нами? Города
Под утренним туманом,
Что исчезает навсегда
Мерцающим обманом.
Что между нами? Целый день,
Прошедший незаметно,
И уходящий, словно тень,
Влюблённый безответно.
Что между нами? Тёмный лес,
Поля, луга и реки,
И столь пленительный навес
Столь приторной опеки.
Что между нами? Тонкий лёд –
Он хруснет, только тронешь.
И снова днями напролёт
Ты в светлой неге тонешь.
Что между нами? Небеса
С бескрайними шатрами,
И новой веры полоса
Под белыми стогами.
Что между нами? Океан
С прибрежными волнами,
Как будто дремлющий титан

Вздымается валами.

Что между нами? Дивный сон

С пленительной долиной,

Где между нами только склон

С нетающей лавиной.

Король

В тумане замок одинокий
Эскизом проклятых чернил
На фоне ночи многоокой,
Где свет сапфировых светил
Далёкий блик на старых крышах
Оставил с лёгкостью пера,
Где правит тьма в холодных нишах
(Et cetera, et cetera),
Там замок тёмный, нелюдимый
В лёд расставаний заключён
И, мной особо нелюбимый,
На муку горя обречён.
Где ты, времён былая слава?
Поэтов грешных сладкий мёд,
Когда насмешливая лава
Мой растопила чёрствый лёд?
Где прежний блеск и прежний гомон
Довольных жизнью светлых лиц,
Неотразимой лести ропот
И бальных танцев частый блиц?
Я счастлив был, король Карпатский,
Король приниженных людей
В огне империи Османской.

Когда тяжёлых, страшных дней
В ночи седая вереница
Свой прервала победный путь,
И вороная кобылица
Ловила в гневе битвы ртуть,
Тогда, охваченный лучами,
Мой замок царский пел и жил,
Лишь между узкими домами
Холодный ветер дико выл.
Теперь всё пусто; в мёртвом поле
Не пролетит степной орёл.
Полузастрявшем комом в горле
Не отзовётся ореол
Души беспечной, уходящей
В багровый, ядерный закат,
И в небесах легко парящий
Не задохнётся чёрный скат.
Я ждал века, я ждал столетия
В оковах мёртвой тишины,
Когда белёдые соцветия
Не оживут средь вышины.
И я дождался, не поверишь.
Я продал всё за счастья свет,
За то, чтоб ты сейчас сидела
Со мной. Как много долгих лет
Меня терзала тьма ночная,

Свой голод утоляла мной.
Я позволял, душа родная
Чтоб обрела в тебе покой.
Покой измученные раны,
Что не лечились, залечил,
И нимб стеснительной Дианы
Путь непроглядный осветил,
Зажёг огонь, рассеял дымку
И разогнал ту пелену,
Что сквозь разорванную сетку
Скрывала страшную вину.
На мне кровь многих поколений,
Но перед тем лишь виноват,
Кого своею королевой
Назначил я, король Карпат.
Я искупил свой долг досрочно,
И камень неподвижных плеч
Теперь не давит еженочно,
Не даст заслуженную сечь.
Мне и сейчас ещё подвластен
Суровый дьявольский народ,
И так же всё ещё опасен
Тьмы непокорный оборот.
Но главной целью, главной мыслью,
Что жил те долгие века,
Был огонёк во мраке ночи,

Священный свет и облака.

Письмо от короля

P.S Помнишь, ты читал мне стихи?.. Пришли мне, пожалуйста, продолжение. Пусть это будет знаком, что ты меня ждёшь и... прощаешь.

*Ты свято молишь продолжение,
Моя родимая душа,
И в этот омут вдохновения
Я окунулся, не спеша.
И что святому господину
На твою просьбу возразить?
Осталось взять перо и эту
Легенду снова оживить.*

Пробило полночь. Я не спал.
Казалось, ветер в поле звал,
И с неба бледная луна
Смотрела в окна. Кто она?
Вдаль леса дикие просторы,
Открыв задвинутые створы,
Меня манили. Хоровод
Счастливый, радостный народ
Водил у старых, мёртвых стен,
Что быстротечных перемен
Терпеть не стали, и умолк

В ночи неугомонный полк.
А я всё ждал. Кого, зачем?
Я долго думал, но затем
В горах предутренний туман
Неспешный, гордый караван
Разрезал, как корабль лёд
В снегах Антарктики, и вот
Затрепетало сердце вновь,
Как будто вспомнив про любовь.
Как много лет скитался странник,
Но сердца чёрствого привратник
Дверь отказался открывать
В попытках музу отыскать.
И пять столетий, неизменно,
Оно пустело постепенно,
То еле билось, то жило,
Забыв про чувства ремесло.
И в мыслях образ короля
Сквозь опустевшие поля
Сменялся отблесками тьмы
Взамен ушедшей кутерьмы.
Услада сомкнутых очей,
Родная спутница ночей,
Что я в бессоннице провёл,
Скажи... Хоть раз тебя подвёл?
Не оправдал своих же слов?
Нечестно пойманный улов
Тебе трофеем приносил?
Я об одном тебя просил –

Вернуться. Больше ничего.
Я чувств не требую. Всего,
Что было надо, я достиг
В один короткий жизни миг.

*Что было дальше? Ты прочтёшь,
Как только душу ту найдёшь,
Что в отголоске прошлых лет
В слепой надежде ищет свет.*

Обрыв

Стою над обрывом, вдали расцветал
Мой сине-зелёный рассвет.
Казалось, я падал, но вмиг окрылял
Твой столь долгожданный ответ.
Прожорлива тьма, и меня поглотила
Она на границе судьбы.
Пути назад нет, ты меня научила
Вперёд идти в пекло вражды.
Стою над обрывом, и ветер сильней
Толкает, как будто бы хочет
Проверить на стойкость. Над пропастью дней
Удушливый монстр клокочет.
Я вновь открываю ворота сердец,
И лишь от одних нет ключа.
Как призрачных снов одинокий ловец,
Снимаю оковы с меча.
Ты снишься в кошмарах, где я одинок,
Где я без богатства и славы,
И в них ты на голову красный веночек
Мне надеваешь. Отрады
Блаженная сеть накрывает мой сон.
Я раб твоих мыслей тревожных,
Которые мой неслышанный стон

Убьют во дворах полуночных.

Край небес

I

Увы, пришлось покинуть Землю

И улететь на край небес.

Мне не хотелось в это верить,

Но так жесток распутный бес.

В раю архангел лучезарный

Встречал у кованых ворот,

Но лишь вступила в край коварный,

Вдруг поглотил водоворот.

И я упала. В тусклом свете

Блестели цепи на стенах,

Едва заметно в чёрном цвете

Кровь запекалась на устах.

Глаза привыкли к темноте,

И я увидела в темнице

Фигуры сгорбленных в мольбе

Людей, что здесь упали ницем.

Но пленный стон сквозь эту боль

Не просочился облаками,

Ведь палача на эту роль

Они себе наняли сами.

«Кто вы?» – спросила я в тиши.

В ответ молчание пустое,

Лишь свет за мелкие гроши

Мне тень качает головую.
Но показался силуэт.
Он шёл уверенной походкой,
Как будто даже слово «нет»
Его пугается с охотой.
«Ну здравствуй, ангел», – молвил он.
В его глазах кроваво-красных
Зажётся слабый огонёк,
Но демон явно не из слабых.
«Ты видишь, – молвил Сатана, -
К чему приводит жажда власти.
В пожаре пленников она
Раздула это пламя страсти.
Ты можешь это изменить,
И пусть не всех людей, но всё же.
Я даю время обсудить
И выбрать, что тебе дороже».
«О венценосный Люцифер, -
Ответила немного робко. –
Быть может, видишь, что во мне
Добра цветёт росточек кроткий».
«Тогда иди, – ответил он. –
Тебя ждёт слава в славном крае,
В полянах мака сладкий сон
И наслаждение в мирном рае.
Но это место не забудь,
Как плохо тем, кто в адской бездне
Горит и тянется чуть-чуть
Услышать звук небесной песни».

«Я не забуду!» – и размыт
Кровавый образ Люцифера.
И, с силой крыльями взмахнув,
Я докажу, что не афера.
У райских врат мой Серафим
Встречает с ангельской улыбкой.
И золотой волшебный нимб
Над головой повис. «Ошибкой,
Скажи, считаешь ты, дитя,
Что только в рай вошла с надеждой,
Я, вокруг пальца обведя,
Тебя отправил в недры грешной
Страны?» – меня спросил мудрец.
Я покачала в знак ответа:
«Вы горькой правды свой ларец
Мне вместо ложного обеда
Подали. Я благодарю.
Теперь ветра лихих соблазнов
В прекрасно грешную зарю
Не унесут в стране обманов».
Я поклонилась, и восход,
Такой по-прежнему манящий,
Лучами в рай открыл проход
И осветил мой нимб парящий.

II

Я в рай вошла и обомлела.
Под сводом нежной красоты
В туманной вате цвета пепла
Купались синие киты.

Речной поток, с высот небесных
Спадая призрачной водой,
Скрывал во тьме пещеру смертных
Полупрозрачную фатой.
Здесь крылья раскрывать хотелось,
И я взлетела в облака,
Которых тонкий полумесяц
В своих овец загнал стада.
Ночь наступает, и закатом
Меня обжёт горячий блик,
Как будто к райским наслаждениям
Глаз человеческий не привык.
Мне показался шелест крыльев,
И в подтверждение листьев смерч
Поднялся рядом. Мой архангел
Завёл со мной такую речь:
«Там, на земле тебя ждёт смертный.
Он на развилке двух дорог.
Ему попался выбор трудный,
И ждёт, чтоб кто-нибудь помог.
Что ему выбрать, не подскажешь?
Карьерный рост в высокий свет,
Его семье в любви откажешь,
Или соблазну скажешь «нет»?»
И вот я снова на планете.
Теперь как ангел на плече
На правды путь хочу направить
Или сойтись с ним на ничье.
И вот почти я убедила,

Что в жизни главное – семья,
Кого судьба не обделила,
Как шёпот беса слышу я:
«Зачем тебе делиться с кем-то
Успехом, нажитым трудом?
Если ты хочешь быть богатым,
Покинь семейный бренный дом».
«Его не слушай!» – слишком поздно,
И чёрт, улыбкою своей
Мне ухмыльнувшись беззаконно,
Исчез в толпе других людей.
«Мой друг, ты знаешь, что за деньги
Не купишь дружбу и любовь.
Так стоит жертва предпочтений,
Чтоб всё начать в итоге вновь?»
Молчал пацан, но развернулся
В раздумьях к дому своему.
В сомнениях было обернулся,
Но твёрдо зашагал к нему.
«Победа!» – вновь в толпе блеснули
Янтарной искоркой глаза.
Меня как будто обманули,
И скрыла истину лоза.
«О ангелочек, – тихий шёпот
Заставил вздрогнуть, – я не ждал,
Чтоб одинокой жертвы ропот
Мой слух так чувственно ласкал».
Из тени дьявол-рогоносец
В короне вражеской крови

Навстречу вышел. «Что ж, спартаец,
Свой бой проигранный терпи».

«Ты ошибаешься жестоко,
И твой хваленый сладкий рай
Ещё не раз тебя обманет,
Ведь самой горькой правды край
Лежит на дне, куда спуститься
Не удостоен слух молвы.
Нам остаётся лишь молиться
Природным демонам судьбы.
Рай – это место смертной дани.
В нём больше спрятанных улик,
Чьи неразгаданные тайны
Не видел даже Бога лик».

Так чёрт вещал, и в его слове
Лжи неприкрытый, явный след
Читался. Он в глазах увидел
Мой отрицательный ответ,
Но демон хитрыми глазами
Испепелял внутри меня
Доверие к раю, будто зная
Меня с непрожитого дня.
Но я очнулась. Белых крыльев
Удар прошёлся по нему,
И я взлетела к светлой выси,
К благому дому своему.

«Ты лжёшь!» – я крикнула с вершины,
Но жало ядовитых слов
В меня вошло. Внизу машины

Сгоняли с улиц дымку снов.
Запели птицы над домами,
Шнуром чернели провода,
И предстоящими годами
Так просыпались города.
О рай! По праву ль занимаешь
Ты самый дальний край небес
И сколько тайн ещё скрываешь?
О ком молчит коварный бес?..

III

На небе сером и невзрачном
Паслись овечки-облака,
Они в смятении прозрачном
Приплыли к нам издалека.
Заплакал дождь в немой пустыне.
Под шёпот лиственных дубрав
Пел соловей в слепой гордыне,
Хваля свой неисправный нрав.
Молчал ручей, молчали дали.
Лишь небо в гневе пролилось
Своими горькими слезами
На землю. Время пронеслось,
И вновь лазурная долина
Своей травой из облаков
Встречает с дикостью лавины,
Что в мире смертных простаков
Даёт лишь свет, тепло. И больше
Не видят люди ничего
За пеленой небесной ткани.

Пророк, скажи мне, для чего
Я в грёзы тайны обратилась,
И для чего теперь весь свет,
Такой угрюмо молчаливый,
Хранит в себе простой ответ?
Ответ же, старец! Видно, воля
Прораба сверху такова,
И то моя земная доля,
Что правды терпкие слова
Найти самой придётся вскоре
Среди незыблемых пучин
Убогих страхов в мёртвом море
И неизведанных причин.
Так размышляла на утёсе
Неколебимых сильных гор,
И всё же с ангелом решилась
На этот странный разговор.
Он ждал меня на том же месте
У райских врат. В руке держал
Архангел книгу, неуместно
Пестревшую стеклом зеркал.
«Ты знаешь, в мире не бывает,
Чтоб идеально белый цвет
Имело всё, и даже рая
Коснулся правила завет», -
Сказал архангел. На мгновение
Мне показался блеск в глазах,
Как будто тени сожаления
Остались в высохших слезах.

«Увы, история правдива
И не потерпит ложный слух.
Но, может быть, альтернатива
Тебе понравится. Пастух
Так доверял своей собаке,
Что в мыслях не было, что зверь
Своей доверчивой хозяйке
Изменит ради шутки. Дверь
В блаженный мир открыться хочет,
Но связка праведных ключей
Принадлежит тому, кто точно
Не жаждет войн кровавых дней», -
Поправил крылья серафим,
Взгляд опустив себе под ноги. –
«Наверно, был он нелюбим,
Раз из пугливой недотроги
Он превратился в Сатану».
Я опечалено смотрела
На эту полную луну,
Что в небе медленно висела.
«Да... Люцифер. Я помню время –
Он был способный ученик.
Ему на плечи это бремя
Взвалил нетлеющий старик.
Кому-то рай принадлежать
Был должен, и на царском троне
Расположился Сатана.
Его насмешливой персоне
Мы поклонялись до тех пор,

Пока разумного ответа
Мы не слышали, и спор
Зажёгся в мареве рассвета».
Архангел вдаль взор устремил,
Как будто там, на небосклоне
Себе он душу зацебил
В прощальном вежливом поклоне.
«Жестокость нас поработила
И падший ангел Сатаной
В горящей бездне обратился.
Своей изменчивой страной
Он правит с чинностью монарха
И титул короля, поверь,
Просторов огненного ада
Не зря он носит. Дикий зверь
Там, повелителя пустыни
Неисправимых грешных душ,
Его послушаться не смеет.
В песчаном жерле ветра сушь
Ревёт, гудит. Но стоит только
Приказу грозно прозвучать,
Он подчиняется невольню
И мчит его же исполнять.
Он повзрослел, и бывший ангел
Теперь читается видней
В его лице сурово-властном
И взгляде пламенных очей».
Как странен мир с его богами,
Где свято грешен край небес,

И правит им пророк уставший –
Он полуангел, полубес.

Пустыня

Дикий крик умирающей птицы
Над пустыней безмолвной застыл.
Оборвались воды вереницы,
И шакал безнадежно завыл.
Где вы, вечных оазисов дали?
Где искать вас в смертельном краю?
Мы последние капли отдали
За последнее место в раю.
Звёзды дремлют, и дремлет пустыня.
Не колыхнется нежная рожь.
Над безмолвным простором лишь птицы
Так бессовестно веруют в ложь.
Нам песок засыхающей крошкой
Не уставшие ноги ласкал,
Пока змей неприрученной кошкой
Свою жертву безжалостно рвал.
Дикий крик, застывающий в зное.
Сколько раз мы услышим тебя
Над барханами в страстном запое,
Где вино – это жизни стезя?
Мы уходим. В кровавом закате
Нам мерещатся светлые сны,
Где под сильной струёй в водопаде

Беззаботно играют слоны.

Где лианы под солнцем не чахнут,

И с утра расцветает жасмин.

Не исполненных тридцать желаний

Забирает себе Аладдин.

Не Орфей

Вся моя жизнь – одна сплошная песня.
Вновь Сириус осветит небеса,
И вспыхнет нотами забытая комета,
В созвездии своём Большого Пса.
Я лиру достаю. Заядлым музыкантом
Вновь проклиная звёзды в небесах.
Прошу простить, друзья, исконным аргонавтом
Я был рождён в стихийных облаках.
Мой друг и я – вдвоём на этом свете,
Нам позавидовал бы свергнутый Орфей.
Лишь я и лира в вечном царстве лета,
Где расцветает призрачный шалфей.
Где музыка звучит до позднего заката,
Звучит, чтобы умолкли соловьи,
И чтобы грома гневные раскаты
Не заглушили строки о любви.
Мир замолчал, как только струны лиры
Вновь задрожали в собственных руках,
На месте замер дождь метеоритов,
И вспыхнул Сириус в далёких небесах.
Меня простят – я знаю это точно –
За сон, нарушенный балладой о любви,
За свет от звёзд, в ночи меня признавших,

За то, что замолчали соловьи.

Вся моя жизнь одной сплошной балладой

Течет под стук хромого колеса.

Друг Сириус, по дружбе нашей старой

Зажгись а созвездии своём Большого Пса.

Затуманенные очи, затуманенный рассвет...

Затуманенные очи,
Затуманенный рассвет...
К сожалению, больше мочи
Ожидать терпения нет.
Сколько грёз, пустых мечтаний
Подарил слепой обман.
Словно ядом расставаний
Отравил ночной дурман.
Сколько дней жила надеждой,
Что увижу снова тех,
Кто под порванной одеждой
Прятал сладости утех.
Я ждала с правдивой верой,
Что на свете есть любовь.
Но фальшивкою-аферой
Оказалась дружба вновь.
Нет, я их не обвиняю,
Что в рассвете своих лет,
На войне, где я дичаю,
Сгинул жизни ранний цвет.
Там, на поле, белый вереск,

Будто в память о любви,
Оживляет листья веток
Свежепролитой крови.
Много раз от почтальона
Доброй весточки ждала.
Что на месте батальона
Незастывшая смола
Запечатала конверты
Недописанных стихов.
Но в размытые кюветы
Утекают слёзы. Снов
Удивительный рисунок
Вновь вдыхает в тело жизнь,
И я будто вижу снова
Свой несыгранный козырь.
Затуманенные очи,
Затуманенный рассвет...
Солнце в дымке слабой ночи
Угасает в бездне лет.

Где на холме стояла церковь, и шелестел суровый лес...

Где на холме стояла церковь,
И шелестел суровый лес,
Деревня жизнью неизменной,
Надев на плечи сеть завес,
Под колокольный звон уставший
Свой коротала праздный век.
И звон, до этого молчавший,
Нарушил скрип хромых телег.
Тупая кляча, еле-еле
Наверх повозку затащив
И шрамы зализав на теле,
Продолжит путь меж старых ив.
Мужик крестьянский в бритой пашне
Крикливых отгонял ворон,
Пока его жена на бане
С дитём купалась. Пахнет он
Землёй сырой, что после капель
Ненасыщающей грозы
Цветёт по-новой, словно знает,
Что сбруи тягостной узды
Спадут. Он пахнет свежим хлебом,

Что на столе стоит с утра,
Свечою в храме, светлым небом,
Собачьим лаем со двора.
Он пахнет петушиным криком,
Что на заре ласкает слух.
Он в церкви за священным ликом.
Кто – он? То русский крепкий дух.

Яблочный рассвет

Под белой кроной яблочный рассвет
Сжигал потоки тьмы, что после ночи
Окрасившись в полуприятный цвет,
Покинули распахнутые очи.
А тот рассвет будил восточный бриз,
Заснувший недосмотренными снами,
Как иногда не выигранный приз
Мерещится несбыточными мечтами.
Он ворошил сопящие стада,
На склоне гор притихнувшие реки,
Под небесами стаи облака
И озера не сомкнутые веки.
Иссиня чёрный пропасти провал
Рассвет манил, и яблочное солнце
Туда скатилось, словно наповал
Забросили в разбитое оконце.
И предрассветный час в покинутый овраг
Лучами солнца ярко-золотого
Кидал навеки сломанный тесак
Ночного стража. Сколько раз жестоко
Он светлый день тем тесаком своим
Срубал под корень дерево рассвета,
И сумерки, всю землю окружив,

Давили прелесть яблочного цвета.
Но победил мой яблочный рассвет,
И воцарилось утро в бренном мире.
И крутится Земля по кругу тех орбит,
Что струнами являются у лиры.

Океан

Мой синий океан – размах души невольной.
Он плещется в суровых берегах,
И маленькой песчинкой среди моря
Восторг мой отражается в глазах.
Глубокой и пугающей стихией,
Неусмеримой дикостью своей
Пленяет океан той добровольной силой,
Какою он пленил любовь морей.
Какая сокрушительная сила!
Обломки скал, с секунду задержась,
В каком-то безнадежном обречении
Упали с грохотом, где океанский глаз
Следит за мной. В глубоком подсознании
Шевелится ещё мой личный страх,
И, напугав, голодная пучина
Убила восхищение в глазах.
Глубинный океан, он пропастью бездонной
Пугает, под поверхность заманив.
И вот уже полупрозрачной кромкой
Сомкнулся океан, навеки поглотив.
Какая необузданная воля,
Что забирает душу вновь и вновь...
На сей раз заберёшь и тело,

Похоронив под ветхою скалой.

Космос

Вновь вечер наступил, и мой чернильный космос
Опять в мгновение одно сумел ожить.
И снова я услышал тихий голос,
Который ни на миг не смел забыть.
На небе Млечный путь размытой полосой
В спокойствии немом мой разум усыплял,
И в мёртвой тишине в погоне за звездой
Разбитый метеор осколки разгонял.
И в мёртвой тишине небесные хвоинки
Не шелестят на высохшей земле,
Не упадут с лица солёные слезинки,
И не услышишь плач в пугливой темноте.
Как одинокий холм, зияющая бездна,
Просторами своими заковав,
Влечёт меня к себе, и в сладком нетерпении
В полузакрытых теплится глазах
Волшебный космос, магией галактик
Вновь околдовывает душу, и слова
Как будто сами льются через бортик
Пределов стихотворного труда.
Так одиноки дюны и барханы
Песчаных обезвоженных пустынь,
Как космос одинок, где дикие лианы

Кометы заменяют и полынью.

Кустарником разрушенные звёзды

Свой свет не смеют больше показать.

Погасли в темноте последние невзгоды,

И только космос тихо продолжал сиять.

Сказка

Когда-то в мире сказка расцвела –
Как птица, пела, в ту страну звала,
Где радуга беспечной чистоты
Сияла в небе сизой красоты;
Где бескорыстно можно полюбить,
Где доброту не стыдно подарить,
Где люди жили в мире, в тишине:
Без шума войн и крови на земле.
А сказка эта верила в себя,
И как-то по-особому любя,
Она растила белые цветы,
Как символ неизменной доброты.
И верила история любви,
Что люди тоже верят, но, увы,
Ребяческой наивностью сочтя,
Не помнят сказку даже тополя.
Напрасно, я скажу, как тот,
Кто выиграл заветный сладкий плод –
Нашёл то место, где былины цвет
Пророс по-новой в этот бранный свет.
Там всё ещё зелёные луга
От неба отражают облака,
И ландышей ранимый аромат

Пленяет тонкостью сосновый некромант.
Долины там промеж суровых гор
Забыли про людей, как будто вор,
На месте пойманный однажды, навсегда
Ушёл на промыслы в другие города.
Как говорится, в жизни «без труда
Не вытнешь и рыбку из пруда»,
И не пытайся сказку возродить,
Не надо веру в светлое губить.
В любой момент мы можем все вернуть,
Ну а пока дай сказке отдохнуть.

Хозяин ночи

В тумане рассветном воинственный всадник
По старой дороге бесцельно бродил.
Куда приведёт его смерти привратник?
В какие края он его заманил?
А рыцаря конь неопытным копытом
Промёрзшую землю в тени ковырял,
Где ворон в обличьи своём чернокрылом
Кровавую падаль упрямо клевал.
Плачущая ива на ветхом обрыве
Печально склонённые ветви свои
Дождём омывала, в душевном порыве
Солёные слёзы скрыв сенью любви.
Ревел среди чащи попавший в капканы
Медведь, истекающий кровью во мгле.
Он тоже имел несвершённые планы,
И шерсть почернела, как будто в золе.
Пустела дорога, и скатертью белой
Сквозь лес уходил неизведанный путь.
Могилка под вечнозелёной омелой
Рассветную пташку не смела спугнуть.
Коня приструнил одинокий мой воин.
Хозяин суровой и грозной ночи,
Ты господин своей жизни привольной,

Где место опасностям вместо любви.

Коробка

На улице пыльной стояла коробка –
Картонные стены, картонное дно.
Внутри поселилась бродячая кошка,
Когтём процарапав в коробке окно.
Вновь дождь поливал над разорванной крышей.
Под черным подъездным глухим козырьком
В коробке, оставленной пьяным соседом,
Нашло существо новый временный дом.
Как много картонных коробок на свете!
Для каждого шанс на спокойную жизнь,
На тёплый ночлег на сворованном пледе,
Где можно на миг о проблемах забыть.

Истёк срок годности словарного запаса...

Истёк срок годности словарного запаса.
Когда признаться в чём-то тяжело,
Уходим вглубь неведомого лаза,
Чтоб там порезать руки о стекло.
Царапают мучительно осколки
Изнеженную душу о слова.
Не сказанные вовремя упрёки
По свету ложно разнесёт молва.
Исходит срок словарного запаса.
Нам извинения неведомы, чужды.
И даже для родного человека
Составит сложность оценить свои труды.
В бою нечестном воин победил
И, повинуясь действию приказа,
По-настоящему однажды полюбив,
Впервые встретил зеркало отказа.
Истёк срок годности словарного запаса.
Писатели, поэты и творцы,
Вам нечем утолить ту жажду вдохновения,
Чем утоляют жажду мудрецы.

Северный ветер

Мой северный ветер, могучий буян
Рвал вечнозелёные ели,
Сметая в пурге еле тёплый туман,
К земле прибывая метели.
Гудел меж деревьев мой северный волк
И выл, умирающий воин,
Чей быстро угасший прославленный полк
Быть полком в войне не достоин.
Прощайте, цветущие маков поля,
Вы время своё золотое
Отжили, о сне благодарном моля.
В утопии Карского моря
Слагали легенды. Суровый народ
Про северный ветер могучий
Сынам, дочерям колыбельные спев,
Заснул под заснеженной кручей.
И только несёт одинокую песнь,
Морозит сиреневый клевер,
Как гордый орёл, парит над землёй
Мой северный, северный ветер.

А у меня уж третья ночь...

«А у меня уж третья ночь –
Никто не сможет мне помочь...
Любовь и ваша доброта
Мне не помогут никогда,
Но я запомню навсегда
И ту любовь, и те невзгоды».

Бежали в небе облака,
И на земле журчали воды.
Через земные города
Летел мой демон сквозь года.
Смотря на небо свысока,
Он ад свой возносил высоко,
И прожигало строчки лавой
Испепеляющее око.
Рассвет сжигал ночную тьму.
Святую развязал войну
Мой демон, погружаясь в мглу,
Где место лишь для вечной боли.
Над городом висит скала.
На ней сидящий Сатана
В людскую смотрит третью ночь –
Никто не сможет им помочь.

«Любовь и ваша доброта
Нам не поможет никогда,
Но мы запомним навсегда
И ту любовь, и ту надежду...»

Порок

О да, я знаю твой порок:
Я вечерами наизусть его учила.
Увы, был прав низвергнутый пророк.
Я твой недуг навечно зазубрила.
Прости меня за эту прямоту,
Как я тебя прощала вечерами
За твой порок под именем любовь,
Ведь так называли это чувство сами.
Тогда сказал мне, что пути назад
Мне не сыскать от проклятой болезни.
Зачем ты запугал тогда меня?
Я своим чувствам до конца останусь верной.
Наверно, мы боимся ошибиться,
Раз за недуг мы приняли момент,
Когда слепое счастье ослепило,
И на престол взошёл глухой регент.
Прошу, прими свою ошибку –
Ты вечерами снова ждёшь меня.
Услышь слова, которые не слышишь:
Я вечерами тоже жду тебя.

Пожар

Однажды шла по улице ночной.
Свернув на площадь, пламя осветило
Дорогу мне, как будто возвестило
О своей жажде под давящей темнотой.
Метались люди, словно мотыльки,
Об огонёк смертельный обжигаясь,
По сторонам пугливо озираясь,
Сжигали крылья в обгоревшие угли.
Заворожённая игрой опасного огня,
Стояла и смотрела на фасады.
Оставив позади горящие громады,
Своею дикостью пленил пожар меня.
Стояли люди рядом на манеже,
На догорающий смотрели особняк.
Внутри гулял бушующий сквозняк,
Благое пламя раздувая до предела.

Кицунэ

Я расскажу историю о том,
Как некогда стоял прекрасный дом
Среди лесов, полей и синих рек,
Среди измученных уродливых калек,
Деревьями зелёными представших,
И ярких звёзд в ночи сиявших.
Ну а пока стоит и смотрит вниз
У дома гордый и надменный кипарис.
Когда-то жило в доме существо,
И, тщательно скрывая естество,
Оно, как мы, и в радость, и в печали
Впадало. Тополя молчали
О том, как через сеть корней
Под легкомысленной прохладой теней
Уходит и приходит сквозь леса
Красивая и рыжая лиса.
Но каждый вечер, лишь взойдет луна
И озарит поля, во время сна
Вновь превратится девушка в лису.
Отчёркивая в небе полосу,
Комета упадёт за чёрный небосвод.
Круги пуская в волнах здешних вод,
Осины листья, будто бы ладьи,

Плывут в просторах местного судьи.
Осветит солнце клевера луга
И там растопит вешние снега.
Вновь пролетит над лесом соловей,
Напомнив о лучах весенних тёплых дней.
Зажглась на небе первая звезда.
Сидит лиса, и вниз на города
Её глаза, прикрытые во тьме,
С блаженством смотрят, словно бы в мольбе.
Я рассказал историю о том,
Как на холме стоит прекрасный дом.
Волшебная краса хранит ещё тот мир,
Где дикая природа – мой кумир.

Майский ливень

Когда на улице идёт холодный дождь,
И не хватает времени согреться,
Мы остаёмся ждать под крышами домов,
И лишь теплее мы стараемся одеться.
А ты увидь всю красоту мостов,
Блестящих под луной и фонарями,
И мокрых, влажных от дождя стволов,
Пригретых под весенними лучами.
Скажи, как много раз гуляла,
Или гулял, читатель равнодушный,
Оставив дома плед и одеяла,
Под ливневым потоком? Улиц душный
Воздух, скажи мне, сколько раз тебя
Своей горячей ласковой рукою
Лелеял, с нежностью вторя
Последним каплям сладкой похвалою.
Когда на улице идёт холодный дождь,
Прошу тебя, не прячься от природы,
А подойди и обними коварный гром
И радуги прекрасные разводы...

Дом на Липовой улице

В старом доме на Липовой улице,
За немытым чердачным окном,
Под скрипучими половицами,
Под поломанным старым веслом,
Лежит ключ, открывающий двери,
В этот райский, чудной уголок,
Но сейчас уж никто не поверит,
Что когда-то здесь жил пастушок.
Он с несвойственным людям терпением
Стриг своих тонкошкурных овец,
И с каким-то своим сожалением
Он расчёсывал шерсти колечки.
Но вот умер пастух благоверный,
И остался в пустой тишине
Старый домик на Липовой улице,
На своей одинокой волне.
Прошла осень, а следом зима.
Поселилась вновь жизнь в этом доме.
Старый пастырь заехал сюда,
Чтоб найти утешение горю.
И питал старый дом, как родной,
Все печали унылого гостя,
Что молитвы священные нёс

Омывать священные кости.
Но и пастырь печальный ушёл,
Лишь оставив церковные чётки.
И опять отбивают в окне
Дождя капли угрюмой чечёткой.
В старом доме на Липовой улице,
Среди тусклых унылых аллей,
Висит ключ на поломанной ключнице
До оставшихся солнечных дней.

Ель

Одна, на вершине высокой горы,
Стоит средь снегов и метелей,
В печальном величии ветви склонив,
Прекрасное дерево ели.
И много рассветов встречала она,
И множество раз пробуждала
Землю сырую от крепкого сна,
От жаркого зноя спасала.
И зимы суровые гордая ель,
Совсем лишь чуть-чуть наклоняясь,
Терпела в пучине холодных метель,
На пике горы оставаясь.
Но сколько людей проходило тропой,
Что мимо той ели прекрасной
Вела промеж гор на самый покой
К поляне с муравой атласной,
Никто не сказал о величье её,
Не восхитился той силе,
Которою ель ещё держит скалу
И ждёт лишь простого «спасибо».

Перед вечерей

Я шёл. Луна светила в небе,
И плавно плыли в небе облака.
Такое безмятежное волнение
Вдруг душу охватило мне слегка.
Сияли тихо звёзды во вселенной,
И где-то там, на страшной высоте
Зажглась комета веры неизменной,
Светясь в своей душевной чистоте.
Деревья зеленевшими ветвями
Шептались на окраине лесов
О прежних днях печальными словами
Под тиканье оставшихся часов
До встречи роковой под свежими садами,
Где нам в последний раз Учитель даст
Билеты в рай, умоется словами,
Но будут они жёсткими, как наст.
Пришёл. Свеча горела в доме.
Все собрались и ждали лишь меня.
Печальным взглядом я обвёл покои,
Чтобы с Учителем проститься навсегда.

Март

О март, мой март! Давно я ждал тебя;
Твой ветер злой, обманчивую тёплость,
Твой грязный снег и грязные поля,
Твою обманчиво игривую весёлость,
И карканье грачей на мокрых проводах,
Что только что вернулись из-за моря.
И это чувство, будто я не при делах,
И будто нету места ни для горя,
Ни для забот рабочих серых дней,
Ни для печали неудач и поражений,
Ни для увядших чувств любви моей ветвей –
Мой март не терпит слёз и возражений.

Хутор

Последний лист кружится в воздухе остывшем,
И перед бурей наступило вновь затишье,
И заморозок поздних вечеров
Поля покроеет у забытых хуторов.
Венчает иней золочёные кресты
И деревянные над речкою мосты.
И первый снег, кружась, ложится в поле,
Где дремлет рожь до лета поневоле.
Последний журавлиный клич затих вдали,
И лето удержать мы больше не смогли:
Уходит из лесов красивая пора,
И только средь полей остались хутора.

Спартанцы

Контрольный выстрел оглушил страданья,
И больше не нарушит тишину
Ничтожный плач, что просит подаянья,
Ведь он навеки погрузился в тьму.
О, сего мира несчастливые страдалцы,
Зачем ушли на сторону добра?
Зачем кололи об иголки пальцы,
Пытаясь сшить защиту от костра,
От пламени жестокости и мести,
От злого рока кровожадных войн?
Мы победители, мы славный род спартанцев.
Мы рождены на берегу кровавых волн.
Победа нам достанется по праву,
И выигрыш смертельных лотерей
Разделим поровну, устроим пир на славу.
Подарит нам закат последний день Помпей.

Беллерофонт

В лесу под сенью листьев красных
Мне виденье пришло в прекрасный миг,
И звёзд сиянье освещать напрасно
Стремился мой славолюбивый лик.
О, да, как глубоко я заблуждался,
Когда нектар слащавой похвалы
В меня вливали силой. Ошибался
Насчёт достигнутых успехов мглы.
А ведь казалось, как я близко
Был к исполнению завещанной мечты.
И опускался для неё так низко,
Что не взлечу до прежней вышины.
На что потратил годы восхождений
На триумфальный творчества Олимп?
Не замечал излишне льстивых снисхождений,
И скинув с верха славы, я погиб.
Беллерофонт, обманутый богами!
Да, ваша кара мне теперь ясна.
Но так жестоко обходиться с нами
До этого не позволяла вам судьба.
А тут представилась прекрасная возможность
Сложить мораль о том, как надо мстить.
Признаю, допустил оплошность,

И мне же за неё теперь платить.

И вот под сенью красных листьев

Представилась судьба переменить

Существование без права и без мыслей

На лучший в мире выбор всё забыть.

Родник

Пламя колыхнется. Листья и шорох.
Тьма, тишина, благодать.
С ветки упал последний листочек –
Не о чем больше страдать.
Пламя колыхнется. Ручей убегает
Между камней в глубину
Неизведанных гор, и нас оставляет
Мучиться на берегу.
Милый ручей, ты зачем обрекаешь
На жажды мучения нас?
Продав наши жизни, ты обретаешь
Лишь спокойствия мягкий атлас.
И вот убегает буйный ручей,
Ему всё равно на тот мир,
От которого связку райских ключей
Пётр хранит под гимн лир.
Ты оставляешь нас, чистый родник
В грязи нашей жизни порочной.
Что ж, уже змей-искуситель проник,
Из чувств, увы, нет стены прочной.
Пламя колыхнется. Листья и шорох.
Встречаем последний рассвет.
Солнца живительный свет нас погубит,

Для нас его будто бы нет.

Верящий в любовь

Пусть будет так. Я верящий в любовь.
Ничто во мне виденья не изменит.
Пусть будут сотни аргументов против,
Я всё равно в любовь останусь верить.
Пускай любовь потеряна в пустыне,
Пускай любовь потеряна во тьме,
Но я останусь верен той личине,
Что свет добра оставила на дне.
Вы за предвзятость меня можете судить
И презирать за старомодные привычки,
Но лучше слепо верить и любить,
Чем видеть зло и горе понаслышке.
Да, с гордостью скажу, я верящий в любовь,
В без корысти оказанную помощь,
И я надеюсь, возродится вновь
Когда-то позабытая влюблённость.

Вера в искусство

Горячий чай на подоконнике остынет,
И ветер все листы перевернёт.
Если писатель перестал в искусство верить,
Его ничто и никогда нам не вернёт.
А жаль, что чаще всё теряется мечта
Среди правдивых, но обманчивых идей.
Нам общество диктует нужды и права,
Но нужно оно нам? Нам это не видней?
Горячий кофе стынет на прилавке:
Офисный планктон забыл его забрать.
Он тоже перестал в искусство верить,
И трудно будет вынырнуть опять
Из глубины моральных заблуждений.
Потратить время некогда на вдох.
А жаль, писатель перестанет верить –
Его последний шанс уже издох.
Горячий чай на подоконнике остынет,
И ветер все листы перевернёт.
Если писатель перестал в искусство верить,
Его ничто и никогда нам не вернёт.

Я много раз встречал на свете зло...

Я много раз встречал на свете зло.
Неужто ангелы на небе проглядели?
Богам не суждено творить добро:
Их реки безнадёжно обмелели.
Как много раз велением судьбы
Мы падали на дно, горя от горя?
Вернуть бы время, где шумят дубы,
И слушаешь тихонько песни моря,
Где небо приносило лишь тепло,
А не причины разочарований,
Где люди больше верили в добро,
А не божественную сущность предсказаний,
Когда не появился идол мой,
Низвергнувший в пучины лицемерий.
Мир будет прежним только под косою
Необратимых страшных изменений.

Что нужно художнику?

Что нужно художнику?

Кисти и краски.

Красивая мистика,

Яркие сказки.

Что нужно художнику?

Умелые руки,

Немного любви

И немножечко скуки.

Что нужно художнику?

Грусти мгновение,

Место хорошее

И вдохновение.

Детство

Мой дом... Мой милый дом из детства.
Куда ушла прекрасная пора,
Где штурмовали крепости из снега,
Боясь забыть ледянки у катка?
А помнишь, ты садился в поезд –
Казалось, не приедешь никогда,
Ночных перронов смутные картинки...
Нам сном казались проездные города.
Как называется прекрасное мгновение,
Когда придумываешь имя облакам?
Ответ простой, на самом деле. Это детство.
О нём ты не забудешь никогда.

Наконец-то листья стали жёлтыми...

Наконец-то листья стали жёлтыми,
Тополя отмылись от пыли,
Успокоились лихие омуты,
Наконец-то замолчали соловьи.
По следам ушедших дней рассвета
Старческих шагов раздался стон.
За принцессой Осенью и Летом
Матушка Зима покинет трон.
И свои порядки вновь наводит,
Растопив суровые снега
И вернув надежду на природу,
Только что пришедшая Весна.

Артур

«Последний вздох. В последний раз
Увижу я в последний час
Свой первый огненный закат,
Померкнувший во блеске злат».
Упал и меч, упал и щит,
И соловей в саду молчит,
И кровью залитые камни
Во хладе ночи остывают.
И умер утренний рассвет.
Увянувший во цвете лет,
Артур лежал. В его глазах
Мерцали звёзды в облаках.
Артур убит. Наш царь, за что?
Святая кара ни за что.
Напрасно молится жена,
Оставшись у креста одна.
Холм одинокий средь полей,
Количество минувших дней
Считая, солнцем опалённый,
В тени молился утомлённый,
И под берёзой одинокой
Ржавел меч смерти многоокой,
И легендарный камень лет

Крови запёкшейся стёр след.
Престол король покинул свой,
Но помнят люди чести строй,
Как не минуют стрел амура,
Великих подвигов Артура.

Огонь предрассветный еле клубился...

Огонь предрассветный еле клубился,
Последний прошёл карнавал.
Ушёл, затаился, сторел и забылся,
И снег, как холодный металл.
В долине кровавой маков цветы,
Душевной тоской опьяняя,
Сводили с ума, заставляя забыть
И дружбу, и смех, и страдания.
Страна, по которой прошёл ураган,
На месте осталась недвижимой.
Но шёпот ветвей не укрыл перемен,
Безумия ропот безликий.
Там кролик на льва нападает в тени,
И чучело ходит из сена.
Там время смешалось, рассудок погиб,
Дорогой бредя безмятежной.
Элли, ты милая Элли моя,
Зачем с головой окунулась
В бескрайние дебри больного ума
И там же навеки уснула?..

В окно мне дождь хлестал...

В окно мне дождь хлестал.
Ажурный лист под силой струй
К земле припал. Последний луч
Теплом мне руки омывал.
И вот прошло. Последний миг
Мне улыбнулся напоследок,
Как, умирая, древний предок
Отправил в свет священный лик.
Огонь багряных клёнов смерк,
Оставив мир во тьме.
Упав на дно, на миг затлел,
Но вот потух навек.
К земле припал последний лист,
Быть свету не дано,
И вот, разрезав полотно,
Художник бросил кисть.

Свежий ветер в лицо...

Свежий ветер в лицо.
На дворе пять утра.
Чаю длинный глоток.
Всё, что было вчера
Навсегда отошло,
И как будто бы день
Вдруг ложится на дно,
Оставляя лишь тень.
Ночь осталась в ночи,
День проходит за днём.
Каждый верит свечи,
Что горит за окном.
Никого не волнует
Одинокий пастух,
Что средь поля ночного
Завершил караул.
Снова чаю глоток.
Снова утро в огне.
Заря вновь зажигает
Солнца луч на Земле.
Снова чистое поле.
Снова лес, облака.
Снова горькое чувство,

Что один. Навсегда.

Мой серебристый луч луны...

Мой серебристый луч луны,
И звуков тихие шаги,
Реки печальное молчанье,
Могил холодное дыханье,
Мой перезвон колоколов...
Нет, это мысли облаков!..
Сосновый бор во сне шумящий,
И шёпот листьев шелестящих...
Мои прекрасные творения,
Что застывают на мгновенье,
Нашли красу в могильных плитах,
А я читал усталость в ликах.
Мой серебристый луч луны,
И звуков тихие шаги,
И речки тихое журчанье,
И то загробное молчанье...

Пегасы

Белые пегасы разрезали
Белые пучины облаков.
По земле тем временем шагали
Великаны, сыновья лесов.
Люди, так теснимые природой,
Отступали дальше всё, на край земли.
Видно, ценности пегасам не давали:
Отступая, всех с собою унесли.
Часто так случается на свете:
Люди забывают о трудах,
Много лет хранимые природой,
И надежда вся теряется в глазах.
Белые пегасы разрезали
Белые пучины облаков.
На Земле их больше не осталось -
Может, скрылись в темноте лесов...

Нева

Стою на берегу седой Невы.
Мне хочется давно к ней опуститься.
Мне некуда идти: есть только край вражды,
К Неве мне можно только возвратиться.
Я очень много потерял тогда,
И, хоть немного смог восстановиться,
Меня съедает рвущая тоска..
Пустая злоба не поможет возродиться.
Когда луна являлась средь ветвей,
Когда в бреду Санкт-Петербург являлся мощный,
В бессоннице искал причал ночей,
Меня лелеял ветер полуночный.
Тогда пришла прекрасная мечта,
Которой невозможно совершиться, –
Покончить с этим раз и навсегда
И там же навсегда остановиться.
Меня терзают тысячи собак
И тысячи пустующих проспектов.
Что ты со мною сделала, Нева?
Ты победила среди тысяч конкурентов...

Всё очень просто...

Всё очень просто.

Я стихи пишу.

Скульптурам делаю я больно

И кисточкой машу.

Я очень смел, как люди говорят.

И бел, как мел,

И чёрен, как миллион чертят.

Я странен,

И геном гениальности

Я ранен,

Как принципиальностью сражен.

Я не романтик,

Но роман пишу.

Любви не ведал, как лунатик,

Но стих всё ж допишу.

И вот моя поэма перед Вами,

Как лист, испачканный чернилами, лежит.

Что в ней и как – судите сами,

Пока рассудок где-то крепко спит.

Я – Ваш дворецкий...

Я – Ваш дворецкий.

Вы – моя госпожа.

Утром Вы очень любите

В парке гулять не спеша.

Плывёт силуэт где-то в облаке,

В тумане теряется взгляд...

Я – Ваш дворецкий. Позвольте,

В Вашей чаше, должно быть, яд.

Яд не смертельный, не бойтесь,

Этот яд мне дала не змея.

Этим ядом любви непорочной

Был отравлен когда-то и я.

Я – Ваш дворецкий. Утро.

Вы снова гуляете в парке.

Я пока письма читаю,

Рядом с Вами сидя на лавке.

Мне пишет Ваша служанка,

В которую я не влюблён.

Вы не жестоки, Вы слабы,

Но Ваше слово – закон.

Я – Ваш дворецкий. Позвольте

Мне лошадей подать?

Ваши слуги Вам верны,

Но я – Ваша лучшая рать.

Я – Ваш дворецкий.

За Вас выпиваю яд.

Боже, спаси мою душу:

Меня завтра утром казнят.

Какие страсти Вам чужды, какие – нет?

Какие страсти Вам чужды, какие – нет?
И долго ли придётся ждать ответ?
Я знаю, Вам не интересно знать,
Кто Вам в глаза осмелился соврать.
Какие страсти Вам чужды, какие – нет?
На риторический вопрос за сотню лет
Ответить не смогла, но стоит ли – вопрос,
Ведь я сама не отошла ещё от этих слёз.
Какие страсти Вам чужды, какие – нет?
И стоит ли вообще мне ждать ответ?
И где его искать, зачем и почему?
Сама себе в ответ я искренне молчу.
Предстать пред Сатаной, иль к Господу идти?
Ведь хочется ответ мне всё-таки найти.
Какие страсти в небесах? А может, их там нет...
Мне даже после смерти не найти ответ.

Серые тучи

Серые тучи нависли над городом мрачным.

Тундры пустыня открылась пред взором угасшим

Уставших людей, ни грусти, ни счастья не знавших.

Как выжить среди облаков, в прошлом далёком пропав-

ших?

В дали умчалась седая гряда облаков.

Нету уж больше радужной стéпи веков,

Лишь тундра холодная, вечное гибели поле,

И подруга её, ледовое севера море.

Первая звезда

На тёмном небосклоне ночи
Зажглася первая звезда.
Она звучит, как колокольчик,
Как луч зари, как звон стекла,
А звон стекла звучит так звонко,
Что шелест ивы над рекой
Случайно повторяет нотки
Своей дрожащею рукой.
И новых много ощущений,
И звуков новых полон дом,
Как будто снова все мы – дети,
А настроенье – снежный ком.
Я вспоминаю с грустью малой
Тот серебристый детский смех.
Но не печалься, нет, не надо,
О многих тех мечтаний лет...
И вот я снова на балконе.
В который раз за все года
Так ясно, ярко, но морозно
Звучит та первая звезда...

Совет

На кухне ножик уронив однажды,
Я дельный дать хочу совет:
Чтоб в людях вам не ошибиться дважды,
Однажды понеси за них ответ.
И дальше думай, стоит жить в мученьях
О страшной и гнетущей тишине?
Однажды получив ответ, сомнений ветер
Навеки растворится в темноте.
Не надо думать, стоит иль не стоит.
Однажды получив ответ, забудь о всём.
Я обещаю: будет только хуже,
Коли продолжишь освещать свой путь огнём.